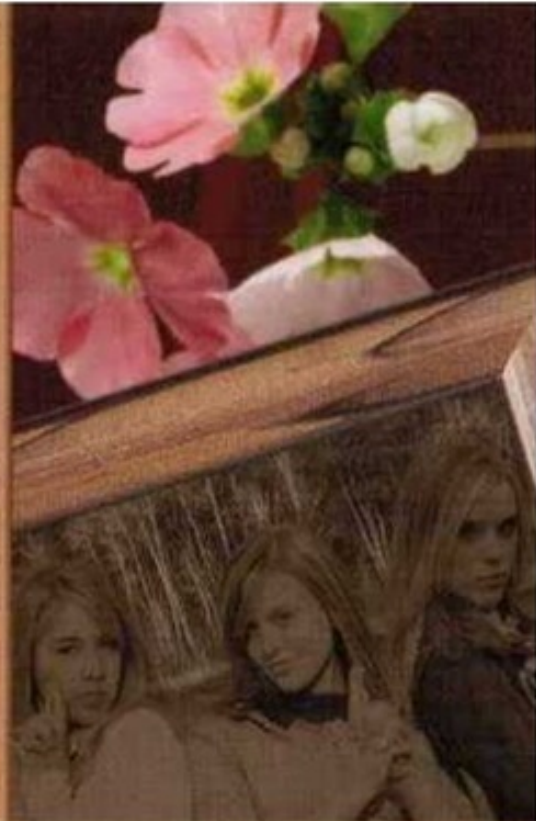

...ность, для других - счастье
...ети. А Лариса Королева
...ки и друзей. Но вы жени
...овы ради... на все
...адои золотой Рудяевки и
...отых...реде офисе
...ужающих и в дозе иных тусов
...огу кипят одинаковые стра
...одежду...честно
Т

Лариса Королева

Тайна трех подруг

«...я больше жить спокойно не
смогу, пока не узнаю, что же
тогда все-таки произошло!»

Лариса Королева
Тайна трёх подруг

«Издательские решения»

Королева Л.

Тайна трёх подруг / Л. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930303-5

Много ли мы знаем о тех, с кем живём под одной крышей, кто готовит нам ужин и стелет постель? Порой рука, качающая колыбель, хватается за пистолет, друг может предать и вовлечь в преступление, а жестокая правда о самых близких людях становится известна лишь после их смерти. Двум сестрам предстоит разгадать тайну прошлого своей трагически погибшей матери и в конце нелёгкого пути отыскать сокровища, ради которых некогда проливалась кровь, гибли люди и калечились судьбы.

ISBN 978-5-44-930303-5

© Королева Л.
© Издательские решения

Содержание

Анонс	6
Часть I	7
Посмертная загадка	8
Глава 1	8
СМЕРТЬ, ПОМИНКИ, ПРОБУЖДЕНИЕ	9
Глава 2	13
БРИЛЛИАНТ, КОМПЬЮТЕР И МАНТО	14
Глава 3	21
ДЕНЬГИ, ПЛАТЬЕ, КРОКОДИЛ	22
Глава 4	27
САМОЛЁТ, ГРАФИН, ДИПЛОМ	28
Глава 5	32
ГЛАЗ, РУКА, ЗАБОР	33
Глава 6	38
АТЛАС, ДОМ, ВОСПОМИНАНИЯ	39
Глава 7	46
МОРЕ, ДЕВСТВЕННОСТЬ И БРАК	47
Глава 8	53
НЕРВЫ, ПРИЗ И ХАТА	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тайна трёх подруг

Лариса Королева

© Лариса Королева, 2018

ISBN 978-5-4493-0303-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анонс

Много ли мы знаем о тех, с кем живём под одной крышей, кто готовит нам ужин и стелет постель? Порой рука, качающая колыбель, хватается за пистолет, друг может предать и вовлечь в преступление, а жестокая правда о самых близких людях становится известна лишь после их смерти.

Двум сестрам предстоит разгадать тайну прошлого своей трагически погибшей матери и в конце нелёгкого пути отыскать сокровища, ради которых некогда проливалась кровь, гибли люди и калечились судьбы.

Часть I

Посмертная загадка

Глава 1

СМЕРТЬ, ПОМИНКИ, ПРОБУЖДЕНИЕ

– Ма-ма! Ма-ма! – хрипло и глухо звала в ночи старшая сестра.

Младшая, проснувшись от этого зова-стона, не решаясь ступить на пол и преодолеть тот метр, что отделял их кровати, жалась к мягкой спинке изголовья и испуганно причитала:

– Женька, проснись! Ты чего, а? Жень-ка-а!..

Наконец старшая сестра вздрогнула всем телом, словно стряхнув с себя пелену страшного сна, и открыла глаза.

– Ты, чего? – тихонько прошептала Светлана. – Мама приснилась, да?

– Ты, знаешь, даже не приснилась... Я будто почувствовала ее. Вроде тут прямо стояла, – Евгения приподнялась и указала рукой на коврик между кроватями. И тут же застонала. – Ой, как руки затекли...

– Оттого тебя кошмары и мучают. Всегда так бывает, когда руки за голову заложишь. Надо просто лечь как-нибудь по-другому и постараться снова заснуть. – Света старалась говорить спокойно и рассудительно, но голос ее предательски дрожал, выдавая страх и отчаяние. Ей совсем не хотелось, чтобы сестра тотчас же заснула и оставила ее одну в темноте этой тревожной ночи. – А она не приглашала тебя пойти с ней?

– Нет, просто стояла и смотрела.

– Это хорошо, что не звала. А то знаешь, есть такая примета... Ну, ты знаешь... Зря мы все-таки не забрали маму домой. Как-то не по-людски получилось. Наверное, она обиделась.

– Не начинай опять. Сама же прекрасно понимаешь, что нам вдвоём было не справиться. Кто бы нам гроб затащил на шестой этаж, а потом снёс вниз по лестнице!

Света только сейчас догадалась дернуть за металлический шнурок «ракушки», и комната озарилась розовато-сиреневым светом, вмиг расставившим предметы на свои места и изменившим их очертания. Теперь все вокруг выглядело уже не расплывчатым и загадочным, а родным и знакомым. И брошенный на спинку кресла махровый халат с узкими длинными рукавами не казался больше съездившейся женской фигуркой, и приоткрытая дверца платяного шкафа стала снова просто полированной доской, а не черной крышкой гроба.

Света спрыгнула с кровати, и только приподняв край Женькиного покрывала, робко спросила:

– Можно я к тебе? – словно боялась, что ей откажут в праве прижаться к единственному оставшемуся у нее в этом мире родному человечку. Не дожидаясь ответа, юркнула в постель и уткнулась холодным и мокрым как у здорового котенка носом в теплое и гладкое плечо сестры. – Совсем мы с тобой теперь одни-одинёшеньки.

– Мы вдвоем, – возразила Евгения, – а вдвоем уже не так страшно. Спи, зайчонок, не бойся, проживем. – Она повернулась на бок, обняла худенькое тело сестренки, посмотрела в сторону светильника и решила, что лучше его до утра не выключать.

Три дня назад их было трое. А сегодня маму они похоронили. Прямо из больничного морга отвезли на кладбище, и там простились с ней, всего лишь несколько минут постояв у оббитого бордовым бархатом гроба, пока его не накрыли крышкой и не принялись торопливо заколачивать, чтобы потом так же быстро засыпать влажной землей. И присутствовали при этом окончательном прощании только чужие им люди: водитель нанятой машины, двое копачей, вырвавших могилу, одна мамина сослуживица, да соседка баба Клава.

Последняя руководила и похоронами, и поминками. Если только можно было назвать поминками скромный обед, на который собрались лишь семь особ женского пола и самого разного возраста: сами сестры, их подруги Наташа и Алина, мамина коллега Вероника, соседка баба Клава, ее дочь Нина и внучка Настя.

Нина готовила еду в квартире Смирновых, и выразила удивление, что с кладбища они вернулись так быстро: она и на стол накрыть не успела. Рисовую кутю с медом и изюмом, салаты и нарезки, пирожки, испеченные накануне бабой Клавой, расставляли в зале на столе все вместе, обмениваясь тихими просьбами и советами. А потом опять-таки скоренько женщины и девочки, без скидок на возраст, выпили по три рюмки жесткой водки, произнесли несколько прощально-поминальных слов в адрес ушедшей, и скупо-утешительных – ее дочкам. И чужие разошлись.

Действительно, все произошло как-то скоропалительно и скомкано: и похороны, и поминки. Наверное, трагическая гибель молодой женщины, после которой полными сиротами остались две дочки, должна быть обставлена более торжественно. По крайней мере, им так казалось.

В суете и беготне по инстанциям, в страхе сделать что-то не так, как полагается в таких случаях, в растерянности от горя и собственной беспомощности, девочки не успели еще толком осознать, что же произошло. Они и поплакать-то как следует не имели возможности. И только когда все разом ушли, и сестры Смирновы, закрыв дверь, остались наедине со своей бедой, они наревелись до полной невменяемости и заснули, разморенные водкой и слезами. Пробуждение было тяжким. И не только ночное.

Утром Евгения проснулась от шума льющейся воды. Свет в комнате уже не горел, а сестры рядом не было. Женька отвернулась к стене и, завернувшись в покрывало, как в кокон, бессмысленно уставилась в переплетение красных и синих линий коврового узора. Ей не хотелось вступать в новый день. Она не знала, с чего его начинать.

– Вставай, лентяйка, нельзя залёживаться в постели, а то малокровье разовьётся. Тем, кто встанет спозаранку, Бог подарит по баранке, – певучим голосом произнесла Светлана. – Завтракать идем!.. Или вам, госпожа, кофе прямо в постель?

Дремлющая девушка перевернулась на другой бок и увидела сестру в кухонном фартуке, надетом поверх бридж и майки. Старшеклассница была уже аккуратно причесана и, похоже, даже слегка подкрашена. Сегодня она играет роль мамы, поняла Женька и проворчала:

– Терпеть ненавижу завтракать.

– Давай-давай! – затормошила Светка сестру. – Я тебе яичничку сварганила. Вставай скорее, пока она еще тепленькая.

– А чего яичницу-то? – продолжала ворчать полусонная студентка, накидывая халат и шаря по полу ногой в поисках запропастившегося тапочка. – Вчера вон сколько всего осталось.

– То все холодное, а с утра надо тепленького. Пошли-пошли!

Евгения тяжело, как старуха, опустилась на кухонный стул и глотнула горячего кофе из крошечной чашки, из которых так любили пить мама и младшая сестра.

– Ешь, – приказала маленькая хозяйка и вручила ворчунье вилку.

– Не хочется что-то, – Женя взирала на аппетитную с виду глазунью с явным неудовольствием. – Меня мутит.

– Будет мутить, если по утрам не умываться и не чистить зубы.

– Зубы я всегда чищу после завтрака, а есть сегодня совсем не хочется, – возразила сестра, но заметив на Светкином лице гримаску обиды и разочарования, взялась-таки за вилку. Испугалась, что та сейчас заревет, а успокаивать не было никаких сил.

– Ешь-ешь, вырастешь большая и красивая, – приговаривала маленькая кухарка, поглощая при этом свою порцию яичницы с видимым удовольствием. – У, растрепуха! – вдруг рассмеялась она и, дотянувшись через стол, взлохматила и без того спутанные локоны сестры.

Евгения чуть отстранилась, побледнела, затем прикрыла рот рукой и стремглав бросилась в ванную. Щелкнула задвижка, и тут же из-за закрытой двери донесся шум льющейся воды и булькающие звуки.

Светка тут же заколотила в дверь ванной:

– Что случилось? Тебе плохо?.. О, Господи, тебя там рвёт что ли? Открой немедленно! Открывай, или я сейчас выломаю на фиг эту чёртову дверь!

– Чего орешь? – Женька распахнула дверь, вытирая покрасневшее лицо полотенцем.

– Тебя вырвало, да? У меня получилась такая ужасная яичница? – Светкины глаза были полны сочувствия и огорчения.

А студентка и спортсменка вдруг присела на пластиковый коврик и, уткнувшись лбом в прохладную стенку стиральной машинки, зарыдала:

– Это я, это я во всем виновата! Не надо было ей пока ничего говорить... Она так расстроилась, так переживала!

– Что говорить? Кому говорить? Маме? Что ты ей сказала, а? – допытывалась Светка, пытаясь разобраться в слезных завываниях сестры. – Да что такое, в конце концов!

– Я ей все рассказала! – выла Женька, – вот она и носилась по городу, себя не помня.

Сестрёнка резко встряхнула впавшую в истерику девушку за плечи:

– Ты в состоянии что-то толком объяснить, или и дальше будешь орать как оглашенная?

– Я... У меня... Я беременная! – наконец выговорила Евгения, попыталась подняться с пола, опираясь на край ванны, но тут же снова обессилено опустилась на коврик.

– Вот это да! Как же ты... Как же водку-то вчера пила? – Светка посмотрела на сестру как на безнадежно больную и, подхватив её подмышки, решительно приподняла и поволокла за собой в кухню. Усадила на стул, села напротив, совсем по-матерински подперла кулачками остренький подбородок, и, по-видимому, осознав, что вопрос о выпитых накануне трёх рюмках водки в данное время не столь актуален, спросила. – Ну, и же что мы теперь будем делать?

– Ты – не знаю, а я, наверное, рожать. По крайней мере, мама сказала, что ребёнка в любом случае надо сохранить. Хотя теперь уже и не знаю, надо ли.

Женька потянулась к пачке с сигаретами, но тут же получила звонкий хлопок по руке:

– И не думай! Беременная женщина, называется! Уродов хочешь нарожать?

– Не уродов, а одну маленькую уродку. Такую как ты. Это будет девочка.

– Откуда ты знаешь? Сделала рентген, да? Уже видно, да?

– Во-первых, в таких случаях делают не рентген, а УЗИ, а во-вторых, я у врача вообще еще не была. А насчет пола я вычислила. Есть такой метод, сто раз проверенный. Берешь дату своего рождения, потом – отца ребенка, рисуешь диаграмму... В общем, у меня девочка получается.

– Но подожди, ты точно уверена? Мало ли что там с циклом... Я читала, что бывает вообще мнимая беременность, до девяти месяцев вынашивают ребёнка, которого нет, и даже живот растёт... А что тошнит, так может, яйцо попало несвежее, или от стресса. Меня вон тоже что-то помучивает. – И в ответ на отрицательное покачивание головы, Светка вдруг задалась новым, более важным, вопросом. – Кто он?.. А-а-а! Конечно же, этот твой: «Добрый вечер! Могу я услышать Евгению Дмитриевну?». Кстати, где он? Он знает?

– Ты имеешь в виду Стаса? – переспросила Женька, хотя и без того было очевидно, о ком идёт речь. Уж очень похоже изобразила артистичная сестрёнка голос однокурсника и передала манеру его общения. – Стас в стройотряде, они там сколотили бригаду на два летних месяца. Ему ничего ещё не известно, но это пока не имеет значения.

– Как это не имеет? Мать-героиня ты наша! На что мы жить-то будем?

Этот вопрос был озвучен впервые, хотя и крутился в подсознании сестер все прошедшие трое суток. Так уж устроен человек, что жалеет больше не ушедшего из жизни, а себя самого: как же теперь я-то буду? Ну, и как же они будут? До сих пор материальная сторона жизни девочек не волновала. В силу эгоистичности и безоглядности юности, они слишком привыкли к тому, что всё необходимое и достаточное для достойной жизни у них имеется, и, в общем-

то, не задумывались, откуда оно берется. И вот настало время, когда поразмыслить о хлебе насущном пришлось.

– Кстати, о грустном, – Женька выдвинула ящик кухонного стола и выгрузила на стол кучку скомканных бумажек и мелочи. – Что мы имеем на балансе?

Деньги в доме хранились в трёх местах. В ящике кухонного стола мать оставляла дочкам мелочь на покупку хлеба и проезд, в резной деревянной шкатулке в серванте хранились купюры покрупнее – на жизнь, а в толстый том «Биологии» из цикла «Детская энциклопедия» откладывались доллары на крупные покупки и летний отдых. За этой книгой Евгения и отправилась. В серванте денег уже не было – все ушли на похороны.

– Раз, два, три, – считала Женька, сидя на ковре в самой середине зала и вытаскивая по одной лежавшие между страницами «Биологии» стодолларовые бумажки. – Итого девятьсот долларов, – подвела она итог, не зная, считать ли его утешительным.

– Слушай, нам же вчера Вероника говорила, чтобы мы сегодня после одиннадцати подъехали на мамину работу и получили там, что ей причиталось: зарплата, отпускные, – вспомнила Света и принялась вкладывать купюры обратно между страниц тома.

– А сколько сейчас времени? – Женя поднялась с пола и взглянула на настенные часы. – Ну, вот. Как раз и есть «после одиннадцати». Поехали! Пока доберемся, будет полдень.

Окрыленные тем, что надо что-то делать, куда-то ехать, и можно отвлечься на время от дома и незримо присутствующего здесь острого ощущения недавней утраты, девочки принялись наскоро одеваться. Они уже были почти готовы к выходу, когда раздался дверной звонок.

– Как вы тут? – спросила соседка. – Вижу, собрались уже куда-то. А я на рынок иду, дай, думаю, спрошу, не надо ли вам чего.

– Спасибо, баб Клав, у нас все есть. А мы в мамину фирму собрались. Может, зарплату её получим.

– Это хорошо, деньги вам теперь понадобятся. Вы девочки, разузнайте там заодно, какие бумаги надо собрать. Вам же пенсия положена по случаю потери кормильца. Она хоть и невеликая по нынешним временам, а все ж подспорье будет.

– Спасибо, что подсказали, – отвечала Евгения, выходя вслед за соседкой на лестничную клетку и вставляя ключ в замочную скважину.

– И вправду ведь мне пенсия положена, я же ещё несовершеннолетняя, – запрыгала Светка на одной ноге по площадке между квартирами, пытаясь застегнуть второй босоножек. – А тебе разве положено? Ты уже студентка.

– Узнаем. Пошли, попрыгунчик, – и сёстры помчались вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Глава 2

БРИЛЛИАНТ, КОМПЬЮТЕР И МАНТО

В офис фирмы, где их мать работала главным экономистом, сестры попали впервые, хотя неоднократно проходили мимо старинного особняка, отреставрированного по последнему слову современных архитектурных веяний. Секретарь Вероника провела посетительниц в бухгалтерию, где им выплатили что-то около тысячи долларов в рублевом эквиваленте. В отделе кадров они забрали трудовую книжку матери, в ящике её рабочего стола – оставшиеся там личные вещи. Пообщались с юристом, который посоветовал, какие бумаги нужно собрать Светлане для оформления пособия. Евгения не могла на него рассчитывать, поскольку ей уже исполнилось восемнадцать лет, и училась она на коммерческом отделении университета.

Повсюду девушки встречали сочувственные взгляды. И всё же любопытства было больше, чем сострадания в тех скорбных масках, которые торопливо натягивали на свои лица сотрудники компании, как только им сообщали, что Евгения и Светлана – дочери погибшей на днях коллеги. Сестёр откровенно внимательно разглядывали, словно пытаясь запомнить с тем, чтобы в следующий раз узнать при встрече, хотя девушки видели всех этих людей впервые, и продолжение знакомства предполагалось едва ли.

– И надо ж было такому случиться... Бедная Танечка... Вы ж теперь совсем одни остались?.. А вы и по матери, и по отцу родные сестрички? – выспрашивала кассир, пожилая женщина с редкими фиолетовыми волосами, медленно отсчитывающая пятисотенные и сотенные купюры из двух разных пачек. – Очень уж вы непохожи.

– Родные. И по матери, и по отцу, – холодно ответила Евгения, которая этого, пусть и изредка, но все же иногда задаваемого им вопроса, почему-то не любила.

– Бедные девочки, – как-то уж очень жалостливо, и оттого не слишком естественно произнесла кассир, уставившись при этом на торопливо запикиваемые Женей в кошелек деньги так, будто купюр ей было жалче, чем сирот, и горестно вздохнула.

А сёстры одновременно машинально взглянули на свои отражения в продолговатом зеркале, облепленном по периметру наклейками от марокканских апельсинов. Да, непохожи. У старшей волнистые каштановые волосы, у младшей – цвета соломы и прямые. Но даже не эти существенные различия во внешности создавали ощущение непохожести сестер. Более плотную и широкую в кости Евгению строгое выражение лица с резко очерченными линиями носа и губ делало гораздо взрослее её лет. Тогда как Светлана, тоненькая и хрупкая, смотрелась наивным подростком, чьи черты были неяркими и слегка размытыми. Что было сейчас у сестёр общего, так это припухшие от слез глаза, разные по форме и цвету, но с одинаковым застывшим в них выражением неуверенности в себе и печали.

Избегая дальнейших неудобных вопросов, которые уже буквально витали в воздухе и вот-вот могли быть заданы неумно любопытной к чужому горю кассиршей, девочки поспешно покинули бухгалтерию и двинулись к парадным дверям, но были окликнуты Вероникой.

Секретарь тоже протягивала им деньги:

– Возьмите вот две тысячи. Это я маме вашей была должна.

– Вы у нее занимали? – почему-то удивилась Светлана.

– Нет. Я колечко у нее купила, – ответила девушка и выставила перед собой тонкую руку с коротко остриженными ногтями без признаков маникюра. На безымянном пальце в бющих сквозь оконное стекло ярких солнечных лучах посверкивало некрупным алмазом золотое колечко в форме кленового листа. – Это Татьяна Александровна тебе, Женя, к восемнадцатилетию покупала, но сначала ошиблась и взяла на размер меньше, а в магазине отказались обменять. Потом она тебе купила такое же, но побольше, а это вот мне продала. У меня тогда

всей суммы не было, постепенно выплачивала... Необычное, правда?.. – Миловидное лицо Вероники просто светилось, пока она любовалась своим приобретением.

Евгения засунула деньги в боковой кармашек сумки, закрыла молнию и мельком взглянула на своё кольцо. Она ещё не успела привыкнуть к дорогому подарку и к тому, что совсем как взрослая носит настоящий бриллиант. Перед тем, как девушки покинули офис компании, секретарь успела сказать, что начальнику уже известно о гибели сотрудницы. Анатолий Андреевич страшно огорчён, он очень ценил Татьяну Александровну как доброго человека и преданного интересам фирмы работника, и как только вернется из командировки, обязательно к девочкам наведается.

– Мы не зайдем в магазин купить мне босоножки? – спросила Света, когда они вышли на залитый июльским солнцем центральный проспект города. Просительные интонации её голоса носили трогательно-жалобный оттенок, словно девочка и не надеялась на положительный ответ. Его и не последовало.

– Как-нибудь в другой раз, – строго сказала Женя. – Не до того сейчас, да и нечего с такими крупными деньгами в кошельке по магазинам разгуливать.

Света не решилась возразить. Она взяла левую руку сестры в обе ладони, некоторое время вертела её то так, то этак, ловя огранённым камнем солнечные лучики, потом с легким вздохом разочарования произнесла:

– Мама могла бы то второе кольцо и не продавать Веронике. Оставила бы для меня. Мне ведь тоже когда-нибудь исполнится восемнадцать лет.

– Успеешь еще бриллиантов наноситься, – встряхнула Евгения на ходу своими густыми и жёсткими волосами, неожиданно принявшими на ярком солнце золотистый оттенок.

– Мне-то теперь кто купит? – возразила старшеклассница и до самого дома молчала, погруженная в свои невесёлые мысли.

Дома они аккуратно пересчитали все деньги и заложили крупные купюры между страниц «Биологии», по-маминому принципу оставив более мелкие в шкатулке серванта «на жизнь».

– Значит так, – подытожила Женя, – с учетом того, что за второй курс моего обучения уже оплачено, целый год мы можем жить вполне безбедно, а если будем экономными, то и подольше хватит.

– А дальше? – с неожиданной горячностью заговорила вдруг Света. – Дальше-то что? Где мы возьмем деньги на оплату за твой третий курс? А моё обучение? Или мне Вуз уже не светит? Ты сама ведь знаешь, что поступить на бюджетное отделение сейчас практически нереально... А ребёнок твой? Если этот «Добрый вечер» на тебе не женится, мне придется идти работать, чтобы прокормить тебя и ребёнка? Да я даже на памперсы не наработаю!

– Чего ты разошлась? Я вовсе не собираюсь вешать на тебя своего ребёнка. Скорее всего, я рожу и сама пойду на работу... И потом, почему ты решила, что меня обязательно должны бросить?

– А почему отец бросил маму с двумя детьми сразу?! Думаешь, мужики спят и видят, как бы им поскорее навязали малюточку?

– Не собираюсь я никого никому навязывать, – обиженно парировала Евгения. – Мама нас вырастила одна, и я тоже справлюсь. Просто мне кажется, Стас меня любит, мы с ним обсудим ситуацию, и всё станет ясно. А что касается нашего отца, то мы не знаем, что там у них с мамой произошло. И не обязательно он был подлецом, которому наплевать на собственных детей. Мама всегда говорила, что расстаться с ним – это было её решение.

– Очень, надо признать, мудрое было решение!

Света ушла на кухню и загремела там тарелками, которые зачем-то принялась перекладывать из сушильного шкафа на нижние полки пенала. Женя, посидев немного в одиночестве на диване в зале, пошла следом за сестрой и, подойдя вплотную, обняла её сзади за плечи:

– Ну, чего ты развевалась? Шумишь, гремишь...

Но Светка уже не воевала – она присела на корточки, положила тарелку на пол и расплакалась. Женя тут же последовала её примеру, при этом обе одновременно что-то говорили, не слыша друг друга. Смысл бормотаний старшей сводился к тому, что, конечно, трудно им теперь придётся, но она, как сумеет, будет стараться заменить маму. Младшая, всхлипывая и давясь слезами, несла что-то вовсе неразборчивое и маловразумительное. Но когда Женя замолчала, последняя фраза сестры прозвучала в тишине ясно и отчетливо.

– Обязательно найдем папу! – выдохнула сквозь душившие её слезы Света и сама испугалась произнесенных слов.

Тема отца была в доме запретной. Не то чтобы мать не позволяла говорить о нём или задавать вопросы, но она так искренне огорчалась, таким расстроенным голосом спрашивала: разве дочкам с ней плохо, разве она им чего-то недодаёт, что в следующий раз они нескоро решались затронуть опасную тему. Впрочем, Женя её почти никогда и не поднимала, словно не слишком была интересована. Вот и сейчас она потянула Свету за руку, отрывая от пола, и словно не услышав сделанного с некоторым вызовом заявления, просто сказала:

– Давай пообедаем что ли.

– Давай, – покорно согласилась сестрёнка и попыталась неловко пошутить. – А ты не будешь потом опять извергать все обратно?

– Ни за что! – твердо пообещала Женька и резким жестом провела ногтем большого пальца под подбородком.

Тема поисков отца, которого сестры не помнили, в ближайшие три дня всплывала беспрестанно. Девочки подсознательно пытались чем-то себя занять и делали то, чем собиралась заняться в эти дни их мать, чья жизнь оборвалась внезапно, не оставив времени для выполнения намеченного. Они перемыли стекла в квартире и посуду в серванте, перестирали и перегладили постельное бельё, а также тюли, занавески и наперники с подушек, сдали в химчистку дубленки и пледы, словно готовясь к запланированной ранее поездке на море, которой у них уже не будет.

Светлана иногда об этом заговаривала:

– Раз в жизни собрались поехать на море все втроем, и на тебе! И чем мы провинились перед судьбой?

– Ты же видела море, – напомнила ей Женя.

– Да, мама возила меня один раз, но это было так давно, я была ещё маленькая. А хотелось бы сейчас. И всем вместе.

– Жизнь большая. Все ещё будет.

– Мамы только больше не будет, – парировала Света, и у сестры не нашлось аргументов, чтобы возразить на это справедливое и оттого такое безнадежное замечание.

Несколько раз к Смирновым забежали подруги из числа тех, кто остался в городе на время каникул. Но сидели они недолго и упархивали по своим делам, оставляя после себя в квартире ароматы терпких дезодорантов и сигаретного дыма. И то и другое Женьку сильно раздражало. Она вообще в последние дни стала бурно реагировать на любые запахи, а курить ей не позволяла сестра, которая и сама никогда не баловалась сигаретами.

Заходила двенадцатилетняя внучка бабы Клавы Настя. Вроде бы целью визита была просьба поучить её печатать на компьютере, но когда Светка, убедившись, что компьютер интересует девочку постольку поскольку, резко спросила: «А чего приходила-то?», маленькая гостя честно призналась, что бабушка послала посмотреть, чем занимаются соседки и не плачут ли.

Они почти не плакали. По вечерам не выходили из дома и запоем читали детективы, а однажды даже посмотрели по телевизору старую любимую комедию с Пьером Ришаром. Светка, звонка хохоча над злоключениями актёра-неудачника, периодически поглядывала на сестру: не осудит ли за неуместный смех, в то время как со смерти матери не прошло

ещё и девяти дней. Но Женя, не склонная к громкому смеху и бурному выражению эмоций, тоже тихонько посмеивалась над отдельными сценами фильма и никого не осуждала. Ей было легче видеть сестру смеющейся, чем плачущей, ибо утешать не хотелось. Женя сама нуждалась в моральной поддержке и всё чаще думала о любимом парне, прокручивая в голове возможные варианты предстоящего им серьёзного разговора и пытаясь предугадать его итог.

Как-то вечером сестрам Смирновым позвонила подруга их матери. Виолетта была настолько поражена известием о том, что Татьяна погибла, что в растерянности раз десять повторила фразу: «Да как же это?», а уже затем принялась расспрашивать, что случилось, и укорять девочек за то, что не сообщили о трагедии. С этих же укоров она и начала разговор, когда буквально через час, запыхавшаяся и заплаканная, возникла на пороге квартиры Смирновых.

Евгения всякий раз поражалась непропорциональности строения тела маминой подруги. При относительно стройной фигуре, тонких ногах и полном отсутствии полагающего женщине «под сорок» животика, Виолетта, казалось, с трудом носила слишком большой для такой комплекции бюст. Она кинулась к Светке, вышедшей открывать дверь с заварным чайником в руках, неловко прижала её к своей мощной груди и запричитала:

– Господи, да что же это делается, а! Как же Танечка могла под колеса угодить? Она ведь такая осторожная всегда была, внимательная! А вы-то даже и не позвонили, я ведь дома была, помогла бы вам, да с Танечкой простилась, ведь сколько лет общались!

Виолетта наконец выпустила из объятий слегка придушенную и совершенно ошарашенную неожиданным натиском Светлану, и последняя принялась неловко извиняться:

– Вы простите, но мы в такой растерянности были, и времени не было ехать к вам домой.

– Да зачем ехать-то на другой конец города? Позвонили бы!

– У нас нет вашего номера телефона, – созналась Света. – Наверное, мама знала его наизусть, потому что записной книжки у неё нет... То есть, не было.

Виолетта прошла на кухню и полезла в сумочку за носовым платком:

– Как же вы теперь одни, бедненькие мои?

– Ничего, – сказала Женя. – Справляемся. Давайте чаю попьем, пообщаемся. Мы уже по вас соскучились.

Гостья была, пожалуй, единственной маминой знакомой, которую можно было назвать подругой. Они познакомились ещё во время совместной работы на заводе, но Виолетта уволилась гораздо раньше Татьяны и устроилась проводницей на железную дорогу. С тех пор, всякий раз возвращаясь из очередного рейса, она непременно звонила матери, а изредка они просиживали вдвоём на кухне целые вечера, балуясь коньячком и сигаретами. Так было, и когда Смирновы жили на старой квартире, и когда, сменив её, переехали поближе к центру.

Проводница воспитывала ребёнка без мужа. Когда Женька со Светой были ещё маленькими, мать иногда водила их к Виолетте в гости, где они играли с её сынишкой Вадиком. Мальчик был на год старше Светы, которая почему-то невзлюбила «противного плаксу» и частенько его поколачивала во время совместных игр. Женя бросалась Вадиду на помощь, но в результате ему доставалось ещё больше, и тогда он с рёвом убежал на кухню жаловаться матери на драчливых гостей, но та тут же отсылала его обратно в детскую налаживать отношения с девочками самому.

После очередного визита слишком бойких «невест» маленькому Вадиму оставалось только потирать набитые шишки и оплакивать поломанные игрушки, но он всё равно с радостным визгом выбегал сестрам навстречу, когда они приходили в следующий раз. Но потом ребята подросли, матери перестали бояться оставлять их дома одних, и вот уже несколько лет девочки со своим товарищем по детским забавам не виделись.

– Как там мой «жених»? – спросила Света у Виолетты, которая всё ещё продолжала тереть платком глаза, разрисовывая при этом лицо чёрными полосами от растёкшейся туши для ресниц.

– Под два метра роста уже твой жених, – ответила она, и глаза её сразу же озарились тем особым светом, который непременно появляется у матерей, говорящих о любимых детях. – В конце бабка с дедом парня мне разбаловали, я ж как в рейс – так его к ним. Но школу, правда, закончил хорошо. Поступает в политехнический институт, сдаёт экзамены. Не знаю, правда, что из этого выйдет.

– Поступит, – обнадёжила Евгения, расставляя на столе сервизные чашки и блюдца для чая. – Он у вас всегда умницей был.

Виолетта засунула платок в сумочку, извлекла оттуда пачку облегчённых сигарет «Бонд», поискала глазами спички и наигранно-строгим голосом спросила:

– Вы тут ещё не закурили с горя?.. Смотрите у меня! Вы с нас с матерью дурной пример не берите. Это ж стоит только начать, а потом попробуй эту гадость бросить...

– Да ни в жизнь, – весело заверила Светка и взялась за чайничек, чтобы разлить по чашкам настоящую тёмно-малиновую жидкость. Сегодня она решила заварить «Каркаде» – лепестки суданской розы.

Они пили чай и говорили о Татьяне, о несчастье и похоронах, пока Женька, не выдержав тяжких воспоминаний, не покинула под благовидным предлогом кухню. И тогда Света тихо спросила:

– Виола, а мама рассказывала вам о нашем отце?

– Об отце? – гостья глубоко затянулась сигаретой и задумалась. Казалось, она забыла, что нужно выпустить из лёгких дым. Потом всё же медленно выдохнула и сказала. – В самом начале, когда мы только познакомились, сказала только, что бросил её мужик. Или она сама от него ушла. Я уж и не помню. А после мы эту тему как-то и не ворошили. Таня не говорила, а я не спрашивала. Дело-то прошлое. А чего ты вдруг вспомнила?

– Совсем мы с Женькой одни остались, как-то страшно, – жалобно призналась Светлана. – Думала, может, сообщим отцу, что мама умерла, и он приедет к нам. Но адреса его у нас нет.

– Почему ж одни? Если какие проблемы – сразу ко мне обращайтесь. Номер телефон своего я вам оставлю, а то, видите ли, вы его не знали! Звоните, если что, – предложила Виолетта и твердо добавила. – А что до отца, то он вам не помощник. Отец – он или есть, или его нет. У него, скорее всего, давно новая семья, другие дети. Мой бывший в одном городе со своим сыном живет, и то раз в год заявляется – в день рождения Вадика. Если вообще не забывает об этой дате.

– Думаете, у нас есть братья и сестры? – поразилась Света. – Почему-то простая мысль о том, что у отца могут быть и другие, кроме них с Женькой, дети, никогда не приходила ей в голову.

– Почему бы и нет? Мой бывший еще двоих завел в новом браке. Вот те – родные. А мой Вадик – вроде как подкидыш. Как женится мужчина во второй раз, так дети от первой любви не нужны. Тут уж или туда, или сюда.

Светка потерянно молчала.

А на следующее утро раздался дверной звонок. Как и обещал, Смирновых пришел наведать бывший мамин шеф. Анатолий Андреевич оказался симпатичным мужчиной лет сорока слегка разгильдяйского вида, несмотря на почти строгий костюм. Держался раскованно и непринужденно, к девочкам обращался без ложного сюсюканья, от которого они так уставали при общении с взрослыми. Директор видимым удовольствием попил с сестрами чая и умял пару бутербродов, а также завалившийся с поминок пирожок. Даже Женька съела бутерброд,

причём Светка периодически поглядывала на неё с тревогой – не помчится ли в ванную, что стало у сестры в последние дни ежедневной утренней традицией. Но на этот раз обошлось.

Анатолий Андреевич сказал девочкам несколько добрых слов в память о матери, вручил им конверт с деньгами и пообещал установить от фирмы памятник на могилку. Просил только передать его секретарю фотографию Татьяны Александровны. Девочки обещали подобрать. Когда он собрался уходить и уже обувался в прихожей, Женя вдруг спросила:

– Да, совсем забыла. Компьютер-то нам, наверное, придётся теперь вернуть. Вы не пришлёте к нам кого-нибудь из сотрудников с машиной, чтобы забрали?

– Какой компьютер? – удивился директор.

– Ну, тот, что вы выделили маме от фирмы, чтобы она могла работать по вечерам и в выходные дни дома, ещё и Интернет установили... Компьютер в полном порядке. Работает.

Анатолий Андреевич удивлённо оглядел сестер, так же, как когда только входил в их квартиру. Только тогда он сказал: «Я думал, у Татьяны совсем маленькие дочки, а тут такие две невесты!», а сейчас: «Компьютер у Татьяны Александровны действительно от нашей фирмы, только она взяла его в прошлом году в счёт своей зарплаты, так что он принадлежит вам».

– Но мама говорила... – растерялась Женя.

– Наверное, она хотела, чтобы вы бережнее к нему относились, как к чужой вещи, – предположил начальник и, напомнив, чтобы в случае возникновения каких-либо проблем, звонили ему прямо на сотовый, откланялся.

– Ни-чер-та себе чего, – протянула Света, закрывая дверь на задвижку.

Она ещё не успела огорчиться тому обстоятельству, что сестра намеривалась вернуть на фирму столь любимый ею компьютер, как довелось обрадоваться, что делать этого не придётся.

– Послушайте, любезная, – театральным тоном продекларировала Светка, пройдя в зал и уставившись на выключенный монитор. – А вам никогда не приходило в голову, что живём мы как-то не по средствам?

– Почему не по средствам? – спокойно ответила Женя. – Мама в последние годы очень хорошо зарабатывала.

– Хорошо – это сколько? Пятьсот долларов в месяц, да? И большая половина из них всегда уходила на жратву, квартплату, всякие там шампуни-дезодоранты, трусы-колготки. Прокладки, в конце концов. А ежегодные девятьсот долларов за каждый курс твоего обучения? А наши с тобой дублёночки, ценою в шестьсот долларов каждая, а кожаные курточки, которые по двести? А сапожки, туфельки, ботинки? А девятьсот долларов, лежавшие в томе «Биологии»? Последнюю мамину зарплату и отпускные мы, кстати, только на днях получили... А твоё колечко с бриллиантом? Не знаешь, сколько оно стоит?.. А компьютер этот вкупе с платой за Интернет, в котором мы с тобой часами лазаем? Откуда это всё бралось?

Женя выглядела совершенно ошарашенной и всё же попыталась слабо возразить:

– Ну, конечно, за последнюю пару лет мы много всего покупали, но, может, мама отложила что-то до этого?

– А что – «до этого»? Два года назад, посмею вам напомнить, Евгения Дмитриевна, мы сделали евроремонт в квартире, съездили отдохнуть на Байкал и полностью сменили всю мебель! – Торжественно объявила Светка и добавила: – Не забудьте добавить к вышеперечисленным приобретениям мамино норковое манто. Вам известна его стоимость?

– Манто дорогое. Тысяч на тридцать, наверное, потянет?

– Цельная голубая норка? Шутить изволите!

Девочка распахнула дверцы шкафа, извлекла на свет божий тяжёлые плечики, скинула с них используемый как чехол старый халат – и модного покроя манто раскинуло широкие рукава. Гладкошёрстный мех с голубым отливом засверкал, переливаясь на солнце миллио-

нами коротких ворсинок. Светлана стала в позу инквизитора и чётко, почти по слогам произнесла:

– *Девяноста семь тысяч рублей!* Я видела такое в магазине «Шубы из Греции». Знаешь же: за шубами – в Грецию, за любовью – в Таиланд. Ну, вот, и считай!

Глава 3

ДЕНЬГИ, ПЛАТЬЕ, КРОКОДИЛ

Евгения, как потерянная, бродила по квартире с авторучкой в руках, рассматривая окружающие её предметы так, словно видела их впервые. Она окидывала вещи оценивающим взглядом и записывала в блокнот примерную их стоимость в долларовом эквиваленте. Светка ходила следом, словно на привязи, и часто называла суммы раньше, чем сестра успевала прикинуть, что почём. Младшая любила ходить с матерью по магазинам, и многие покупки они делали вместе.

– Телевизор у нас, конечно, недорогой, скромненький такой. Долларов триста стоит на сегодняшний день. Музыкальный центр, думаю, столько же, видеомэгафон – и того меньше. А вот «горка» в зале подороже будет. В «пятнашку» обошлась, но это уже в рублях... Сантехника и кафель в ванной примерно на столько же потянули. Мягкий «уголок» – примерно четыреста долларов. Металлопластиковые окна по семьдесят долларов за квадратный метр. Сколько у нас метров, я не помню. Можно, конечно, померить, но с учетом лоджии можешь смело штуку баксов писать, не ошибёшься. Холодильник – триста баксов, кухонный комбайн – сто, – безостановочно талдычила Светка.

И у Жени вскоре закружилась голова. Она совсем уже запуталась в долларах, рублях и квадратных метрах и, дойдя до спальни, устало опустилась на свою кровать, а безжалостная сестрёнка все ещё никак не могла уgomониться. – Цепочки наши с крестиками записала? Они, конечно, не Бог весь какие мощные, но тоже ведь золото... Эх, ты, экономист! Теоретик! Ковры в опись внесла?

– Да ладно тебе! – отмахнулась студентка. – Что тут описывать! И так ясно, что тратили мы вдвое больше, чем мама зарабатывала. Ну, и что ты хочешь этим сказать? Ты ведь не зря затеяла всю эту кутерьму.

Но Света словно и не слышала вопроса.

– А машина! – воскликнула она. – Мы совсем забыли про «шестёрку»!

– Да, действительно, – согласилась Женя. – Надо бы сходить и посмотреть на неё, да заодно узнать, до какого срока оплачена стоянка... Но «жигулёнок» недорогой – это же почти развалина.

– Мама собиралась купить иномарку, когда научится водить как следует... Слушай, а, может, мне права получить?

– Этого только не хватало! И потом, ты несовершеннолетняя.

– Лучше бы мама в тот день поехала на машине, – вздохнула Света.

Но непоследовательность была свойственна ей только в мелочах. И, хорошо зная свою сестру, Женя снова повторила вопрос о том, что она имела в виду, когда вынудила её подсчитывать стоимость мебели и бытовой техники.

– Ничего такого. Просто хотелось бы знать, откуда что берётся, – Света невинно заморгала своими синими глазами, казавшимися тёмными в обрамлении ресниц, над которыми активно поработала тушь «тройной объём».

– Вариантов может быть несколько, – рассудительным тоном начала Евгения. – Например, мама могла подрабатывать на другую фирму...

– ...или потихонечку обворовывать свою. Вариантов вообще может быть бесчисленное множество. Она могла найти дипломатик с долларами на троллейбусной остановке. Или ограбить банк. Или шантажировать генерального прокурора, который ежемесячно отстёгивал ей всю свою зарплату, перебиваясь с семьёй на жалкие «отпускные» от тех преступников, которых на волю выпускал. Ещё мама могла во время очередной командировки переспать по случаю с султаном Брунея, который и оценил по достоинству тайные прелести славянской красотицы, находящейся в самом расцвете сил.

Женя невольно улыбнулась, хотя ей было явно не до смеха, но уж слишком точно воспроизводила её собственный рассудительный тон талантливая подражательница, неся при этом абсолютную чушь. У самой передразниваемой не находилось разумного объяснения их семейной жизни не по средствам, и она выжидательно смотрела на Светлану, которая, завершив свой монолог, принялась энергично разминать пальцами невесть откуда взявшийся в её руке кусок серого пластилина. Поняв, что сестра ещё долго будет играть в молчанку, Евгения неуверенно спросила:

– Может, мамин Крокодил Гена нам помогал?

– Геннадий Владимирович появился всего полтора года назад. Мама подцепила его прошлой зимой на курсах вождения. И если ты думаешь, что он купил ей норковое манто, то глубоко заблуждаешься. Скромный инструктор автошколы, который развёлся с женой, выплачивает алименты сыну и живёт в однокомнатной хрущёвке на окраине города, вряд ли способен на такие подвиги. Кроме того, мама с ним рассталась. Как она сказала, «вычеркнула из своей жизни».

– Интересно, почему все-таки она так поступила?

– Потому что слишком упорно замуж звал. Ладно, это было её личное и наверное, правильное решение. Что теперь об этом говорить? Крокодил, конечно, классный был мужик, но, по-моему, всё, чем он одарил нашу маму за год их отношений – это те французские духи, что преподнес ей на восьмое марта. Да и те, сильно подозреваю, польского разлива.

– Злая ты, – рассмеялась Женя, наблюдая, как между тонких пальчиков сестрёнки постепенно вылепляется хобот почти готового слонёнка. – Ну, говори, не томи. Что ты думаешь по этому поводу?

– А что тут думать? Всё ясно, как божий день. Нам все эти годы помогал наш отец, – просто ответила Света. Она начисто отмела навеянные Виолеттой мысли о том, что они с сестрой у отца не единственные и «будто и не родные», потому что верить в подобное не хотелось, а значит, такого просто не могло быть!

– Не думаю. Ведь мама не поддерживала с ним связи.

– Это она так говорила, а нам приходилось в это верить. Вернее, мы и не представляли себе, что может быть иначе. Но сейчас стало совершенно очевидно, что связь с ним она поддерживала, и он нам помогал, – Светка поставила на краешек тумбочки безглазого слонёнка с коротеньким и озорно вздёрнутым вверх хоботком, и гордо добавила. – Я это вычислила. Методом дедукции.

Женя резко поднялась с кровати:

– Понятно. Вся эта песня запевалась только для того, чтобы ещё раз убедить меня в необходимости срочно броситься на розыск незабвенного папаши, которого мы и в глаза-то никогда не видели.

– Но ты-то видела!

– Если и видела, то не помню, Шерлок Холмс ты наш. Знаешь, пойду я лучше к настоящему следователю наведаюсь. Может, он что-нибудь поинтереснее нашёл, чем тень отца Гамлета.

– Ни черта он не найдёт! – вспыхнула вдруг Светлана. – А я тебе предлагаю не тень искать, а нашего отца. Родного отца, понимаешь? А если тебе это без разницы, то я сама этим займусь.

– Непременно. Вымой только сначала посуду.

Когда через пару часов Евгения вернулась домой, она застала сестру вертящейся перед зеркалом трюмо в каком-то немислимом наряде. На той было изрядно помятое платье из голубого шелка с белой гипюровой накидкой, обшитой вокруг выреза глубокого декольте. Мало того, что платье было слишком длинно для невысокой Светланы, так ещё и в ширину оно явно было на три-четыре размера больше.

– Как я вам нравлюсь? – девочка сделала реверанс, потом – пару шагов назад и, наступив на подол, чуть не грохнулась на пол.

– Чучело – оно и есть чучело, – устало отозвалась Евгения и отправилась на кухню разгружать пакет с продуктами. – Где ты откопала этот чудненький прикид?

– Нашла в чемодане на антресолях.

– А какого чёрта ты туда полезла?

– Искала что-нибудь.

– Что-нибудь – это что?

– Ну, не знаю. Мы же никогда не открывали этот чемодан. По крайней мере, я не помню. Наверное, мама с ним и приехала в Екатеринбург. Я думала, может, там письма какие-нибудь, фотографии...

– Ясно. Улики, – резюмировала Евгения и прошла в зал, где посреди комнаты на ковре стоял распахнутый коричневый чемодан из искусственной кожи. – Ну, и что тут интересного?

Она принялась перебирать вещи, часть из которых Светка уже выложила на пол. Женя подняла и встряхнула белую пуховую шаль, шерстяной женский джемпер, зимний детский комбинезон алого цвета, какие-то вязаные шапочки и варежки.

– Ну, и что тебя здесь заинтересовало? Мама просто решила сохранить то, что пока не нужно, но в дальнейшем может пригодиться. Комбинезончик, например, очень даже ничего. Кстати, ты паспорт мамин не нашла? Следователь опять спрашивал.

– Что он, кстати, сказал, следователь? – перебила Светлана.

– Пока ничего, никаких зацепок. В сумочке у мамы, что мне отдали в больнице, были только косметичка, ключи, водительские права и служебное удостоверение. Я даже в бардачке машины на стоянке пошарила. А паспорта нет. Она ведь не говорила, что теряла его?

– В том-то и дело, что ни паспорта, ни писем, ни фотографий. Тебе не кажется это странным?.. Кстати, в этом платье было завернуто вот это. Смотри, мамин диплом!

Женька осторожно взяла в руки синюю книжицу, раскрыла её и торжественно прочла:

– Настоящий диплом выдан Смирновой Татьяне Александровне в том, что она в 1981 году поступила в Ростовский государственный университет, и в 1986 году окончила полный курс по специальности экономист... Слушай, сними ты это дурацкое платье, а!.. Кстати, хотелось бы знать, чьё оно?

– Я тоже подумала, что мама у нас навряд ли когда-нибудь была такой толстой. А, может, она его носила, когда была беременной?

– Беременные шьют себе платье с оборочкой поперёк, а не вдоль. Это платье вообще огромное. Смотри, какая пройма... А, знаешь, я вообще не помню маму беременной.

– Было бы странно, ели бы ты помнила: тебе было всего два года, когда я родилась.

– Да, конечно. Но я тебя и в пелёнках-то не помню. У меня первое яркое воспоминание связано с поездом. Я помню, появилась ты, и мы сразу куда-то поехали на поезде. И ещё был наш белый медведь. Наверное, ты тогда была с него размером. Мама несла тебя и вещи, а я – этого медведя, вцепилась мёртвой схваткой, даже в туалет отказывалась без него идти. А потом... – Женя сняла с белой накидки волосок и принялась рассматривать его на свет. – Длинный и каштановый. Как у меня. Это точно не мамино платье. У неё волосы были пепельные.

– Откуда ты знаешь? Она их всю жизнь красила, при чём чуть ли не при каждом мытье.

– Но она говорила, что была пепельной блондинкой, а потом волосы с годами начали темнеть, появилась седина, вот она и... Где же всё-таки её паспорт? Я его вообще сто лет не видела.

– Ладно, паспорт! Я даже договора о покупке нашей квартиры не нашла. Из документов в доме только наши с тобой паспорта. – Света стянула платье, ещё раз внимательно оглядела его, сложила и опустила в чемодан. Потом принялась аккуратно складывать туда же другие

вещи. – Давай я еще поищу где-нибудь, заодно фотографию подберу для памятника. А ты поешь что-нибудь сварганишь?

В ближайшие пару часов юная следопытка рыскала по полкам и ящикам, перебирала даже сложенное в ровные стопки постельное бельё, но не нашла ничего такого, что могло бы пролить свет на прошлое их матери и указать, с чего можно начинать розыски отца. В спальне Светин взгляд случайно остановился на пластилиновом слонёнке, у которого появились глаза – две крошечные бусинки: одна синяя, другая красная. Девочка рассмеялась и включила компьютер и принтер. Некоторое время спустя она вошла в кухню и положила перед читающей очередной детектив Евгенией лист бумаги, на котором было отпечатано следующее.

«Мать. Смирнова Татьяна Александровна. Родилась восьмого июня 1963 года в городе Магадане. Воспитывалась в детском доме. Родных нет. Фамилию дали в детдоме. В июле 1981 года приехала в город Ростов, поступила на экономический факультет университета. В феврале 1984 года родила дочь Евгению. В феврале 1986 года родила дочь Светлану, в июне того же года окончила вуз. В феврале 1987 года переехала на постоянное место жительства в город Екатеринбург и поступила на работу на завод, в сентябре получила малосемейное общежитие. В июне 1993 года перешла на работу в частную фирму. В августе 1995 года приватизировала и продала малосемейку, приобрела двухкомнатную квартиру. Погибла второго июля 2002 года.

Отец. Имя – Дмитрий. Фамилия неизвестна. Год рождения предположительно 1963, место рождения предположительно город Ростов. Возможно, там же живут его родители. Служба в армии 1981 – 1983 гг. Афганистан. Учёба в МГУ на экономическом факультете 1983 – 1988 г. Дальнейшая судьба неизвестна».

Евгения дочитала незамысловатый текст, отложила листок в сторону, потом выключила газ под стоящей на плите кастрюлей и задумчиво произнесла:

– Не мудрено найти в России человека по таким «особым» приметам. У нас всего-то каких-нибудь там сто пятьдесят миллионов населения.

– Это да, господин надзиратель! Но надо просто-напросто съездить в Ростов и сходить на экономический факультет университета. Там мы попросим список выпускников 1986 года. Это примерно человек семьдесят. Так? А потом попробуем кого-то из них разыскать по горсправке. Ведь мама пять лет проучилась с ними вместе. Должен же кто-то из её близких подруг помнить нашего отца. Вот и узнаем все подробности их романа, а заодно – и где его искать, или хотя бы фамилию выясним.

– Ну, во-первых, не думаю, что у мамы были особо близкие подруги, иначе бы она с кем-нибудь из них переписывалась. Она и здесь-то ни с кем, кроме Виолетты, близко не сходилась. А во-вторых, мало ли кого и куда за эти пятнадцать лет судьба закинула. Прикинь, если бы кто-то приехал в Ростов, чтобы разыскать там нашу маму! А она уже пятнадцать лет как живёт в Екатеринбурге. Не говоря уже о том, что многие могли и вовсе из страны уехать. Или умереть. Как мама. Мы даже не знаем, жив ли наш отец, и чем он занимается.

– Так, – рассердилась вдруг Светка, – давай сразу условимся, что он жив! Должен же хоть кто-то у нас на этом свете остаться. И потом, он нам помогал. А стало быть, человек он не бедный. И мама всегда говорила, что с его головой и предприимчивостью этот парень должен был многого в жизни добиться. И не может быть такого, чтобы абсолютно все выпускники одного курса сразу уехали из города. Многие ведь были местные, и там у них остались родственники. Даже если выпускники вуза и уехали, можно зайти к их оставшимся в городе родителям, узнать новые адреса их детей и списаться.

– Значит, ты собралась ехать в Ростов. А ты представляешь, во что это обойдётся? Одни билеты сколько стоят! А гостиница?

– Найдём отца, он нам всё компенсирует. – Света открыла крышку кастрюли. – Как вкусно пахнет! Ты моя хозяйюшка!

– Не подлизывайся. Я не собираюсь ввязываться в эту авантюру.

Светлана принялась разливать суп по тарелкам:

– А я тебе не только в Ростов предлагаю съездить. Оттуда – ещё и в Геленджик. И не делай такие страшные глаза. Я просто подумала, что мама очень хотела, чтобы мы отдохнули этим летом. И именно в Геленджике. Вспомни только, как она радовалась, что мы все вместе поедem на море. Тем более что неизвестно, когда ещё у нас появится такая возможность. Мне следующим летом в институт поступать, а ты у нас к тому времени уже мамой кормящей станешь. У-а, у-а, пелёнки-распашонки и всё такое. Ты ведь, надеюсь, ещё не раздумала рожать?

– Нет, не раздумала. Но насчёт маршрута Екатеринбург – Ростов – Геленджик – Екатеринбург возражаю категорически. Нечего себе приключений искать на мягкое место! В крайнем случае, можем взять путёвки на какую-нибудь турбазу у нас. И не смотри на меня такими глазами. Не дави на меня, слышишь, малявка!

Но именно давление на сестру стало основным Светкиным занятием на ближайшие три дня. Она убеждала Евгению в необходимости найти отца, который и сам, наверное, рад бы их увидеть, но не знает адреса. Ведь, скорее всего, так как в почтовом ящике они ничего не находили, мама получала от него письма и денежные переводы «до востребования». Настырная девчонка уговаривала сестру плюнуть на всё и поехать отдохнуть, набраться сил перед очередным учебным годом, который будет для них таким напряжённым и ответственным. Приводила всё новые доводы в пользу предлагаемого путешествия и при этом то проявляла чудеса красноречия, то просто-напросто принималась реветь.

В конце концов, как и следовало ожидать, Евгения сдалась, и они поехали покупать билеты на самолёт. По пути зашли в офис фирмы и передали Веронике найдённую в письменном столе файловую папку с какими-то бухгалтерскими отчётами и цветную фотографию матери. Снимок сделала Светлана в день своего шестнадцатилетия. В тот день к ней в гости пришли одноклассники и подарили фотоаппарат «Кэнон».

Татьяна Александровна была запечатлена крупным планом в тот момент, когда входила в комнату с пирогом в руках. Она улыбалась и выглядела намного моложе своих тридцати восьми лет. Это был единственный обнаруженный девочками снимок их матери, не считая тех, что вклеены в служебное удостоверение и водительские права. Сёстры обсудили странность того обстоятельства, что такая красивая женщина почти никогда не фотографировалась. Раньше они не придавали этому факту особого значения.

А Светлана обнаружила ещё одну странную закономерность: мать водила её в фотоателье или снимала на заказ на новогодних ёлках гораздо чаще, чем сестру. Но при этом все Светкины снимки находились в альбоме почему-то в единственном экземпляре, тогда как Женькины, как правило, были в паре. Единственная же фотография, на которой сестры запечатлены вдвоём, была сделана на том же дне рождения. Юная сыщица не смогла придумать логичного объяснения этой загадке (да и было это какой-то загадкой, а не случайным совпадением?), и поэтому решила пока не говорить Евгении о своём открытии, хотя молчание далось ей нелегко.

Глава 4

САМОЛЁТ, ГРАФИН, ДИПЛОМ

Авиалайнер набирал высоту. Света прильнула к стеклу иллюминатора, буквально уткнувшись в него носом и разглядывая разноцветные прямоугольники, на которые оказался поделённым родной город и его окрестности, если смотреть на него сверху. Внутренне она очень гордилась тем, что летит вдвоём с сестрой на юг, и казалась себе такой взрослой, элегантной и небрежной. На самом деле, в синих джинсиках и сиреневой маечке, со светлыми волосами, собранными сзади в тонкий хвостик, девочка выглядела обычной школьницей, собравшейся к морю на каникулы, кем она, по сути, и являлась. И детский взгляд, ищущий в глазах окружающих восхищение её внешностью и удивление смелостью, совсем не придавал ей солидности.

– Вот представляешь, грохнемся мы сейчас вместе с этой железной коробочкой, и всё. И никого-никого после нас не останется, – вдруг заявила Светлана. – И папа наш так никогда и не узнает о нашей печальной судьбе.

– Почему мы обязательно должны «грохнутья»? – с весёлым недоумением спросила Евгения, хотя ей самой было немного неуютно на душе, и мысли, высказанные сестрой, заставили внутренне поёжиться.

– Не обязательно, конечно, но предыдущий год был какой-то нелётный. То под Иркутском упал самолёт, то хохлы израильский лайнер сбили. А Америка? То «Боинг» рухнул на город из-за турбулентности, то вообще этот ужас со Всемирным торговым центром, когда две башни рухнули из-за врезавшихся в них самолётов.

– Грохнемся, так грохнемся, – решила вдруг Евгения. – Судьба, значит, у нас такая. Зато хлопот с нашими похоронами ни у кого не возникнет.

– Слушай, а тогда ночью, когда мама тебе являлась, она во что была одета?

– Ни во что. То есть, я её не чётко видела. Только чувствовала её присутствие.

– Вряд ли бы ей понравилось, во что мы её одели.

– Ты же сама и выбирала со своей бабой Клавой на пару.

– Я не выбирала, мы просто ходили вместе магазинам. Она в похоронных обрядах разбирается, и сразу сказала, что одевать надо во всё новое. И брюки, говорит, надевать нельзя, и туфли на высоком каблуке нельзя – только тапочки, чтобы там удобно было. Вот в конечном итоге и вышло, что мама всю жизнь носила красивые блузки и элегантные брючные костюмы, а похоронили её в сером старушечьем платье на пуговичках... И гроб ещё обшили таким дурацким бордовым бархатом, цвета запылившегося знамени орденосного полка, потерявшего последнего солдата.

– Девочки, вы не могли бы сменить тему разговора? – вдруг послышался недовольный голос сидящего позади них полного лысоватого мужчины, чей наряд скорее напоминал ночную пижаму, чем костюм делового человека. – Вам больше не о чем поговорить, как о гробах и авиакатастрофах?

– К встрече с Богом надо быть готовым в любую минуту, – назидательно промолвила Светлана голосом немолодой монашки, и тут же получила от сестры весьма ощутимый тычок в бок.

– Извините, мы совсем недавно пережили большое горе, – примирительно сообщила Евгения мужчине, наклонив голову к проёму между креслами.

– Ничего, ничего, – донеслось оттуда, причём произнесено это было таким тоном, каким обычно говорят: «Так вам и надо!»

Стюардесса прошлась по салону с подносом, предлагая на выбор сок или минеральную воду. Евгения пить не стала, Светка один за другим залпом опрокинула в рот оба схваченных с подноса стаканчика с соком, потом ещё немного поёрзала в кресле, повертела головой во все

стороны и, наконец, притихла, откинувшись на спинку сидения и закрыв глаза. Казалось, она заснула, но через некоторое время вдруг принялась трясти за плечо дремлющую сестру:

– Слушай, где это мы летим? Посмотри в окно! Там внизу сплошные льды! Разве в этих краях могут быть такие обледеневшие равнины? Это же Северный Ледовитый океан какой-то! Нас случаем не угнали?

Евгения сонно отмахнулась:

– Какие же это льды! Эх ты, серость! Это облака.

– Надо же, облака! Странно так. Слушай, а почему тебя не тошнит? Ой, кажется, самолёт загорелся, – не унималась Светка. – Смотри, под крылом что-то вспыхнуло. Это же огонь! Вот, ещё раз вспыхнуло... Ну, сейчас точно рванёт.

– Девушка, вы не могли бы пересадить меня на другое место? – обратился к стюардессе сидящий позади сестёр мужчина, лицо которого приняло сероватый оттенок.

С трудом пробившись сквозь толпу встречающих и таксистов, осаждавших выход из здания аэропорта и наперебой предлагавших свои услуги, девочки вышли на залитую южным солнцем площадь и принялись озираться в поисках автобусной остановки.

– Екатеринбургский уже приземлился? – обратился к ним мужчина лет тридцати в спортивных трико и чёрной майке. Услышав положительный ответ, он вроде собрался кинуться к выходу для прибывших пассажиров, но словно раздумав, двинулся следом за сёстрами. – Девочки, вы этим рейсом прибыли? На отдых или по делам?

– По делам. Собираемся открыть в вашем городе фирму по производству туалетной бумаги. У вас тут такой широкий рынок сбыта, – ответила Светлана, поправляя ляжку висящего за спиной рюкзака.

– Ой, смотрите, – мужчина вдруг забежал вперёд и поднял с пола плотную пачку сложенных вдвое сто долларовых купюр. Глаза его быстро-быстро забегали по сторонам. – Не видели, кто обронил?

– А ну вали отсюда! – вдруг закричала на всю площадь Светка, и на них начали оглядываться люди. – Ищи лохов в другом месте! Про эти ваши штучки уже во всех газетах написано! Ишь, умник какой выискался!

Мужчина, засунув пачку в карман трико, быстро засеменил в обратном направлении, а Женя недоумённо уставилась на сестру:

– Ты чего так разоралась?

– А ты бы молча двинула с этим козлом за ближайший угол? Он бы сейчас начал нас в сторонку оттирать и предлагать поделить неожиданной удачей.

– Ну, и в чём фишка? – не могла взять в толк Евгения.

– Да как ты не понимаешь?! Он разделит бы эту пачку пополам: себе половину, и нам половину. И тут, словно из-под земли, возникает «хозяин» этих денег и начинает требовать их назад. Орёт при этом, что мы его обокрали и требует предъявить наши доллары, чтобы сверить номера. А потом пара ловких движений – и ни тех, найденных, долларов, ни наших! Ищи, свищи.

– Но у нас же нет при себе долларов!

– Всё равно лучше не связываться.

– А милиция куда смотрит?

– Следит за тем, чтобы побольше лохов попадалось на удочку. Такие же штучки и у нас в Екатеринбурге проворачиваются. А менты в доле.

– Всё-то ты у нас знаешь, – проворчала Евгения, поднимаясь по ступенькам следующего в центр города автобуса-экспресса.

Уже отъезжая, девочки увидели в окно, как шулер в синих трико, очевидно, нашедший очередную пачку долларов, увлекал за газетный киоск их лысого попутчика по рейсу, которому Светка изрядно потрепала нервы в самолёте.

На следующее утро Евгения проснулась рано. Тихонько, чтобы не разбудить разметавшуюся по постели сестрёнку, ступила на пол и, не надевая тапочек, подошла к окну гостиничного номера. Она всматривалась в уходящий вдаль проспект незнакомого города, который на первый взгляд показался слишком жарким и пыльным. Светлана ещё спросила, не цемент ли здесь производят, уж очень грязными выглядели все здания, даже относительно недавно построенные, из-за глубоко въевшейся в белые кирпичные стены серой пыли.

Вчера они лишь немного погуляли по прилегающим к отелю улицам, купили в супермаркете хлеба, молока и мясных нарезок, поужинали в номере и заснули ещё засветло, решив оставить посещение университета на утро. И вот оно наступило, а Женя вдруг очень чётко осознала всю нелепость затеи с визитом в чужой город. Предстоящие поиски «того, не знаю, чего» представлялись полным безрассудством и досадной нелепицей. Студентка-отличница внутренне обругала себя «полной идиоткой» за то, что позволила сестре вовлечь себя в это бестолковое мероприятие, и в тот же момент почувствовала за спиной едва уловимое движение. Светка прижалась к сестре сзади и обняла, ткнувшись губами в шею, а потом вдруг крепко схватила её обеими руками за груди, выпирающие из хлопчатобумажной маечки с тонкими бретельками:

– У, отрастила!

– Не завидуй, свои отращивай, – рассмеялась Евгения, высвобождаясь из маленьких, но цепких рук, и смущённо добавила, – это они так от беременности налились.

– Давай кофейку попьём, яблочко ты наше наливное, – предложила Светка и пошлёпала в ванну набирать воду в стеклянный графин с тем, чтобы вскипятить в нём воду.

Фокус не удался. Графин внезапно лопнул и развалился на куски, при этом не успевшая ещё толком закипеть вода залила тумбочку, коврик у кровати и край постели. Евгения бросилась выдёргивать кипятильник из розетки, а Светлана, выглянувшая на шум из ванной комнаты с перепачканными зубной пастой губами, философски изрекла:

– Завтракать, однако, придётся в кафе! Там же заодно и узнаем, как нам лучше добраться...

Подходя к университету, Евгения невольно принялась внутренне сравнивать ростовское здание со своей екатеринбургской «альма-матер». Решила, что в конечном итоге все советские проекты были однотипными, и с тех пор ничего не изменилось. Никто ведь так и не построил круглого стеклянного храма науки с тонированным куполом в виде магистерской шапочки, в которой так здорово было бы разметить студенческое кафе, оно же – зал для приема делегаций и торжественных мероприятий вроде вручения дипломов.

Она деловым тоном осведомилась у вахтёрши, где находится архив, и решительно двинулась в указанном направлении, не ответив на вопрос, что им нужно и не услышав брошенного вслед сообщения, что архив сейчас не работает. У Светки почему-то вдруг начали дрожать колени, она волновалась так, будто с минуты на минуту ей предстояло прикоснуться к чему-то великому и необыкновенному, и, едва поспевая за сестрой, непрерывно повторяла про себя: «Только бы удалось, только бы удалось!»

Смирновы прошли по безлюдным лестницам и коридорам и уткнулись в запёртую дверь с нужной табличкой. Потолкались в соседние двери, за которыми царило гулкое безмолвие. В то время как выпускные экзамены уже закончились, а вступительные ещё не начинались, рассчитывать на то, что они застанут кого-либо на рабочем месте, не приходилось, и сёстры очень обрадовались, когда в деканате экономического факультета увидели девушку, энергично барабанившую по клавиатуре компьютера.

– Вы не могли бы нам помочь? – обратилась к ней Светлана. – Нам надо получить кое-какие данные из вашего архива.

– А там нет никого, все в отпуске, – отозвалась девушка. – В сентябре приходите, и вам выдадут справочку, или что вы там хотели.

– Мы никак не можем в сентябре. Понимаете, мы из Екатеринбурга прилетели. Всего на два дня, – Светка заговорила таким тонким и жалобным голоском, что девушка прекратила работать и уставилась на неё сквозь стёкла круглых очков в роговой оправе. – Нам всего-то надо взглянуть на список выпускников восемьдесят шестого года. Мама у нас умерла, хотим разыскать её друзей. Может, кто-то что-нибудь знает про нашего папу.

А Женьке почудилась в этом монологе привокзальная заунывная песенка разномастных оборванцев: *«Люди добрые, сами мы не местные... Вещи у нас украли, деньги все украли. Помогите, чем можете, на билет до дома»*. Она застыдилась и попятилась к двери, а секретарь поднялась, вышла из-за стола (при этом выяснилось, что рост у неё под два метра), и просто сказала:

– В принципе, ключ у меня есть, пойдёмте. Список, думаю, найти можно. Меня Оля зовут. А в архиве подруга моя работает. Тоже Оля.

В небольшом помещении архива сотрудница университета чувствовала себя довольно-таки уверенно. Она сразу открыла нужный шкаф и, пройдясь глазами по полке, вытащила папку-скоросшиватель, полистала её и протянула Свете:

– Вот. Экономический факультет. 1986 год.

Женя достала из сумки блокнот и принялась было выписывать расположенные в алфавитном порядке фамилии, но Света, быстро проглядев весь список, остановила её:

– Не трудись. Мамы здесь нет!

– Как – нет? – Евгения несколько раз прошлась глазами по листочку сверху вниз и в обратном порядке, перевернула страницу и снова вернулась к предыдущей. – Оля, а у вас нет алфавитного каталога? Может, мы перепутали год? Давайте поищем Смирнову Татьяну Александровну.

Девушка кивнула и выдвинула из стеллажа деревянный ящик и пробежалась пальцами по табличкам, находящихся за картонной буквой «С».

– Вообще-то все данные уже компьютеризированы, но я не знаю пароля, хотя разницы-то в принципе нет. В компьютер все равно вносились данные из каталога... Итак, что у нас тут на букву «С»? Смирнов Валерий Вениаминович, 1980—1985, исторический факультет... Смирнова Анна Алексеевна, химфак, выпуск 1964 года... Фамилия, конечно, распространённая, но Татьяны Александровны вообще ни одной нет... Вы точно уверены, что ваша мама закончила именно наш университет? Вы видели её диплом?

– Нет, не видели, просто она нам рассказывала... Но мы, наверное, что-то не так поняли. Извините за беспокойство. – Света схватила под руку и потащила совсем растерявшуюся Евгению к дверям. – Спасибо вам!

– Не за что, – пожала плечами Оля, провожая сестёр недоумённым взглядом.

А они почти бегом спустились вниз по лестнице и быстрым шагом ринулись к выходу из здания, словно в ожидании возможного преследования или грозного окрика за спиной. Женя опомнилась первой, опустилась на первую же свободную лавку, которая попала им на пути, вытащила из сумки пачку сигарет, нервно затянулась сладковатым дымом и только потом взглянула на Светлану:

– Ну, что скажешь, Шерлок Холмс?

– Выходит, что наша мама просто-напросто купила диплом за сто баксов на рынке.

– Выходит, что она не училась в ростовском университете. А, может, и вовсе в Ростове не жила! Она же вообще никогда не вспоминала этот город. О Магадане и то чаще рассказывала... Но, Господи, зачем? Зачем?

– Никаких идей, – честно призналась Света. – Только острое чувство нереальности происходящего.

Глава 5

ГЛАЗ, РУКА, ЗАБОР

Сестры сидели за красным пластмассовым столиком летнего кафе и медленно потягивали через соломинки кока-колу из пластиковых бутылочек. Обе были одеты в синие шорты, бывшие когда-то джинсовыми брюками, и белые майки-безрукавки. Девочки уже съели по порции шашлыка – три крошечных кусочка свинины, нанизанных на остренькую палочку, и пребывали в раздумьях, заказать ли ещё этого сухого и жёсткого мяса или ограничиться съеденным. Решили всё же повторить заказ. Просто так занимать столик под огромным зонтом с рекламной надписью «Tuborg bee» им казалось неловко.

Между тем, окружающие их люди, в основном молодежь, часами проживали в тенишке перед единственной кружкой пива или чашкой кофе, время от времени отхлёбывая по глотку, лениво покуривая, ведя неторопливые беседы, и нисколько не смущаясь предстоящей мизерной платой за столько удовольствий сразу. Да и работникам кафе не пришлось бы в голову ждать особого разгула от своих посетителей в это время суток. Полусонный парень у мангала, он же – официант, и девушка в киоске, пробивающая для него чеки и попутно торгующая мелочёвкой, знают, что настоящий клиент пойдёт вечером. Тогда же, с наступлением благословенной прохлады, начнут делать серьёзные заказы и некоторые из дневных гостей: им непременно захочется выпить нечто покрепче кофе и пива, и закусить чем-нибудь посущественнее чипсов и фисташек. Но у девочек никакого вечера в этом кафе быть не могло. Они уже договорились уехать из города после обеда.

– Знаешь, с тех пор, как я сама стала студенткой, мне неоднократно приходила в голову мысль, что маме было ой как непросто закончить дневное отделение института, имея на руках двоих детей, – заговорила вдруг Евгения. – Она ведь, по идее, и тебя, и меня рожала после очередной сессии, на каникулах. Да и кто позволил бы по тем временам держать в студенческом общежитии ребенка, тем более, двоих?

– Мама говорила, что когда родилась я, она сняла квартиру, жила там с двумя подругами, и они ей здорово помогали.

– То, что она рассказывала, как выяснилось, полная лажа. Скорее всего, если она и поступила в своё время в институт, то вынуждена была его бросить. Не прокормить ей было ребенка на стипендию. Наверное, родила меня и пошла работать. А потом, когда устраивалась в Екатеринбург, действительно купила диплом, чтобы приняли на инженерную должность... Но ведь тогда в её трудовой книжке должна быть соответствующая запись о предыдущем месте работы, а там первым значится наш екатеринбургский завод. И еще. Знаешь, что кажется странным? Что она вдруг рванула с насиженного места и поехала с юга на север именно в разгар зимы.

– Наверное, что-то такое произошло. Может, она даже с работы уволиться не успела, бросила там свою трудовую книжку. А потом, чтобы как-то объяснить, где она болталась с восемнадцати до двадцати четырёх лет, предъявила в отдел кадров этот липовый диплом. Зато получила хорошую работу и малосемейное общежитие.

– Но ведь маму ценили как замечательного специалиста, даже «Почётную грамоту» как-то вручили. А когда завод уже на ладан дышал, она без труда устроилась в частную фирму, и ею там гордились!

– Занималась самообразованием, – решила Светлана и сделала глазами знак, символизирующий, что разговор надо прекратить: им несли шашлык и соус с луком.

– Жень, ты не сильно на меня сердисься? – спросила она некоторое время спустя, съев кусочек мяса и отодвинув от себя бумажную тарелочку.

– За что?

– За то, что втянула тебя в эту авантюру, заставила прилететь в Ростов и выкинуть кучу денег на ветер, а оказалось, что всё зря.

– Чего мне сердиться-то? Я ведь могла и не согласиться, ты ж меня не связанную в самолёт занесла. И потом: нет худа без добра. Посмотрим Ростов, съездим на море. Мне и самой мамино прошлое интересно. Жаль только, не узнать уже ничего.

– Жень, ты только теперь не рассердись на меня, пожалуйста! У меня есть идея, может, и смурная, но если мы её вместе обмозгуем... Ну, пожалуйста, выслушай очень внимательно и не говори сразу: «нет», ладно?

– Ладно, – милостиво согласилась Евгения, хотя умоляющий Светкин тон её насторожил.

Именно после такого рода заявлений и случались всякого рода мелкие и более крупные неприятности. Женя обычно позволяла себя уговорить на очередную проказу, за которую в конечном итоге ей же, как старшей, и доставалось. Но сейчас она была *самой* старшей. Не было мамы, которая осудила бы или наказала, да и шалости теперь выходили из разряда детских и невинных и могли привести к непредсказуемым последствиям. Бремя ответственности за младшую сестру свалилось на студентку-второкурсницу слишком рано, и она ещё не успела привыкнуть к тому, что нужно самой принимать решения.

– Помнишь, как однажды мы с мамой вдвоём поехали на море? Мне тогда было шесть лет.

– А то как же! Помню-помню, – мрачно отозвалась Евгения. – Вы с мамой – на море, а я на целых три недели – к бывшей нудной соседке с её припадочным внуком.

– Кто тебе виноват, что ты за два дня до поездки умудрилась свалиться с брусьев и сломать ногу? Ну, не в этом дело. Мы же тогда с мамой до Краснодара не доехали! Сошли с поезда в маленьком городишке Тихорецке, и переночевали в частном доме, и только на следующий день добрались до столицы края, а уже оттуда – на автобусе до Анапы.

– Ну и что?

– Вроде бы и ничего. Но зачем-то ведь мама сошла с поезда! Я тебе больше скажу. В этом городке мы ночевали у женщины, у которой не было одной руки и одного глаза!

– Ах, так вот ты о чём! – рассмеялась Евгения. – Что-то я смутно припоминаю твои страшные рассказы в ночи про жуткую тётю. Мама тогда еще рассердилась и отшлёпала тебя, чтобы ты не несла чушь и не пугала меня всякими кошмарами.

– Видишь ли, если бы мама не стала тогда так рьяно убеждать меня в том, что эта тётя мне приснилась, я, может, и забыла бы про этот нестандартный эпизод.

– А на самом деле, эта страшилка тебе вовсе не приснилась, да?

– Конечно, нет! Вот, смотри! – Светка извлекла из заднего кармана шорт изрядно помятый лист плотной белой бумаги и разложила его на столе. – Я нашла этот рисунок в своих старых альбомах, когда лазала по антресолям, и сразу же припомнила всю эту историю.

– Шедевр, – воскликнула Евгения, внимательно разглядывая рисунок.

Большую часть листа занимал раскрашенный зелёным цветом забор. Сквозь распахнутую калитку вдаль виднелся крошечный домик с одним окошком на фасаде и одним – на чердаке, из трубы валил густой чёрный дым. А на переднем плане была изображена замотанная по самые брови в чёрный платок женщина, которая, неестественно изогнувшись, единственной рукой то ли опиралась на метлу, то ли мела двор. При этом один рукав разноцветного, словно сшитого из лоскутков, платья был длинным и доходил до кисти руки, державшей метлу. Второй рукав, если бы в нём была рука, пришёлся бы до уровня локтя. Но женщина была однорука. Один глаз у калеки был таким, как обычно рисуют дети: удлинённым, с длинными, загнутыми вверх ресницами, другой – круглым, словно выпученным, и неестественно большим. Узкое лицо искажала какая-то вымученная улыбка, напоминающая скорее гримасу плохо скрываемой боли. Из-за искривлённой верхней губы торчали два явно великоватых для этого лица зуба, выкрашенных почему-то жёлтым карандашом.

– У неё было только два зубика, а одна ножка короче другой? – жалостливо спросила Евгения и, не выдержав, прыснула.

– Да нет, с ногами, у неё, скорее всего, было все в порядке. Не помню, чтобы она еще и хромала, – вполне серьёзно ответила юная художница, но внимательно взглянув на рисунок, вдруг тихонечко запела. – Одна её нога была короче, другая деревянная была, один был глаз фанерой заколочен, другой совсем не видел ни фиги...

Светка захохотала безудержно и звонко. Евгения присоединилась к сестре, посмеиваясь более сдержанно, но так же весело. На них стали оглядываться парочки, сидящие за соседними столиками, а один вихрастый парень в яркой «гавайке» с изображением моря и пальм даже хитро подмигнул из-за плеча своей подруги.

– Грешно смеяться над больными людьми, – еле выговорила сквозь смех Светлана.

– Это я-то смеюсь? – парировала Евгения, протягивая сестре пудреницу. – Да у тебя тушь по всему лицу растеклась!

Старшеклассница принялась оттирать извлеченной из пудреницы губкой чёрные полоски, образовавшиеся под глазами, и когда ей это почти удалось, уже вполне серьёзно продолжила рассказ. Повествование лилось легко и гладко, поскольку в последние дни Светлана неоднократно мысленно облекала в словесную форму воспоминания детства, нахлынувшие внезапно, и теперь неотступно преследовавшие её. То, что на долгие годы было погребено где-то в глубинах подсознания, теперь казалось очень важным, и девочка старательно шаг за шагом воспроизводила и в чёткой последовательности выстраивала события десятилетней давности, стараясь припомнить малейшие подробности и нюансы происходивших событий. При этом главной задачей было ничего не перевернуть и не выдать детские фантазии за реальные факты. Сейчас-то она понимала, что таинственная женщина была давешней маминой знакомой, и Татьяна решила навестить её по пути в санаторий. Наверное, мать хотела сохранить визит в тайне и рассчитывала, что по возвращении с моря маленькая дочка забудет об этом посещении.

В маленьком южном городке они оказались уже поздно вечером, сошли с поезда и пошли вдоль частных домов, которые по сравнению с екатеринбургскими высотками казались Светке непривычно маленькими. Она буквально спала на ходу, и сначала или не заметила, что у хозяйки дома, куда они с матерью пришли ночевать, не было руки, или не придавала этому факту значения. Мама завела дочку в крошечную комнатку, похожую скорее на чулан, чем на жилое помещение, раздела, уложила на высокую железную кровать, и усталый ребёнок мгновенно провалился в сон. А ночью вдруг проснулась – мамы нет, место незнакомое, и очень хочется писать.

Они тихонько сползла с кровати, вышла из комнаты в крошечный коридорчик, босиком ступая по холщовым половицам, и тут до неё донеслись приглушённые женские голоса. Заглянула в полуоткрытую соседнюю дверь, и увидела маму и ту женщину. Они сидели за столом, что-то одновременно говорили и обе плакали. Светка и сейчас чётко помнит ощущение охватившего её тогда липкого страха, она просто оцепенела. Во-первых, стало жутко оттого, что мама плачет, а во-вторых, при ярком свете удалось чётко разглядеть полночную хозяйку странного домика. Сразу же бросилось в глаза то, что у неё не было руки: над столом нависал пустой рукав. Голова незнакомки была обмотана косынкой, а левый глаз был круглым и неподвижным, из-под него текла слеза.

Светка почувствовала, что вот-вот описается, и бросилась назад в ту комнатку, из которой только что вышла. Там она схватила с тумбочки пустой графинчик с широким горлышком и написала в него. Хотела выплеснуть содержимое в окошко, но потяжелевший графин выпал из дрожащих детских рук и с оглушительным грохотом разбился во дворе об асфальт. От этого звука, такого резкого в ночи, девочка ещё сильнее испугалась, быстро вспрыгнула на постель, юркнула под белый вышитый пододеяльник, и в то же мгновение мама просунула голову в дверь и спросила: «Зайчонок, ты спишь?». Но Светка не ответила, притворившись спящей, и мама опять ушла.

Утром, когда девочка проснулась, мамы рядом снова не было. Светлана выглянула в окошко и увидела, как та страшная женщина ходила по двору с метлой. Она сметала в кучку осколки графина... Потом в комнату вошла мама, одела дочку, и они сразу же ушли из этого дома. Кажется, хозяйка их не провожала, по крайней мере, Света не могла этого припомнить. Потом они долго ехали на автобусе, и девочка всё ныла: где же море, ну, скоро мы приедем? А когда она спросила, почему у тётки такой страшный глаз, и ручки нету, мама как-то отвлекла её внимание и не ответила на вопрос. Потом, конечно, было море, карусель, мороженое и масса других удовольствий...

Уже дома Светлана изобразила свои впечатления от посещения маленького домика в незнакомом городке на бумаге. А мама вдруг страшно рассердилась, сказала, что рисовать надо красивое, а не уродство всякое. А когда девочка стала утверждать, что тётка была именно такая, и рисовать надо правду, Татьяна сказала, что это не правда, вырвала лист из альбома, скомкала его и выбросила в мусорное ведро. Маленькая художница ревела, топала ногами, ломала карандаши и кричала, что всё правда, мама сама врёт, и тогда её действительно отшлёпали...

Припомнив давнюю обиду, Светлана и сейчас шмыгнула носом. Татьяна никогда её не била, ни до этого эпизода, ни после, и те незаслуженные шлепки отразили в детском сознании всю несправедливость мира взрослых, где ты можешь оказаться неправым только потому, что младше и слабее. Тогда она поняла, что у мамы могут быть секреты, ради сохранения которых та готова отлупить своего ребёнка, чтобы заставить его замолчать.

В американских фильмах сексуальный маньяк после своего разоблачения обязательно припоминает подобный эпизод из детства, и зрителю сразу становится ясно, что переживший такой кошмар ребёнок просто обязан вырасти убийцей и извращенцем. Или, на худой конец, стать полицейским с целью искоренения на земле всяческого зла и несправедливости устройства бытия.

Наверное, российские дети обладают более устойчивой психикой, потому что Светлана мечтала стать дизайнером, и убивать пока никого не собиралась. С мамой они тогда помирились и сели вместе рисовать море, но альбомный листочек, наделавший столько шума, девочка попозже незаметно извлекла из мусорного ведра, отряхнула от картофельных очисток, разгладила и запрятала в ящик письменного стола среди других рисунков.

– Слушай, Женя, я ведь не сумасшедшая, и не смогла бы такое выдумать, – сказала Светлана, вытягивая из трубочки остатки кока-колы со дна бутылки. – У меня память, как у художника, фотографическая. Всё это было на самом деле! Ты мне веришь?

– И теперь, насколько я понимаю, ты предлагаешь, раз уж поиски отца не увенчались успехом, поискать эту женщину с рисунка? – спросила Женя с обречённым видом. – Интересно только, каким образом? Ведь ни названия улицы, где она живёт, ни номера дома ты не знаешь. У нас есть только «план-схема у фонтана». Или что это тут у нас в уголке? Ага, надо думать, это водяная колонка!

– Номер дома как раз есть. Смотри, вот на заборе висит табличка. И цифра «одиннадцать»! Я же не просто так её нарисовала. Значит, запомнила номер. У меня все рисунки очень точные. Творю в жанре социалистического реализма.

– Куда уж точнее! Дело, надо полагать, было в июле-месяце? Лето, южный город, жара... Особенно точно изображён этот дым, чёрными клубами валяющийся из трубы. Самое время было раскопегарить печку, чтобы погреться!

– Может, это баня топится, – смутилась Света. – Зато я чётко помню этот забор и, если увижу, сразу же его узнаю. И в калитке, по самому центру, сердечко прорезано.

– Забор за эти годы сто раз могли снести и двести раз – перекрасить. Если ты вообще не нарисовала его зелёным только потому, что поломался синий карандаш. Вспомни своих фиолетовых кенгуру, реалистка ты наша!

– В маленьких городках все друг друга знают, а уж на женщину с такими приметам нам каждый укажет прямо на автовокзале!

– Круто замешано! – Женька вдруг рассердилась. – Вот сейчас мы примемся разъезжать по городам и весям, и прямо с автовокзала начинать расспрашивать: «Здравствуйтесь, люди добрые, не живет ли в вашем городе, пардон, деревне, однурукая одноглазая гражданочка? У неё ещё забор такой зелёный с сердечком и дым столбом валит из бани летом!» Хватит из меня дуру делать, Светка! И университета оказалось достаточно. Сейчас же идём брать билеты на поезд до Краснодара, а оттуда – в Геленджик, загорать и плавать. А будешь умничать, вообще домой вернёмся. Дешевле выйдет.

– Может, за обед-то всё-таки расплатимся? – смиренно промолвила Света вслед сестре, которая с последними произнесёнными словами решительно поднялась, опрокинув пластиковый стул, и двинулась в противоположную от ларька с кассой сторону.

Глава 6

АТЛАС, ДОМ, ВОСПОМИНАНЬЯ

Светка вошла в ростовской гостиничный номер с квадратной потрепанной книжицей в руках. Не разуваясь, улеглась поперёк кровати на живот и принялась сосредоточенно перелистывать страницы. Найдя нужную, почти уткнулась в разворот носом и заболтала в воздухе согнутыми в коленках худенькими ножками, обутыми в бежевые сабо на высоком каблуке. Несколько великоватые, сабо постоянно грозили слететь с узких ступней и спикировать прямо в экран телевизора, но Светка каждый раз удерживала обувь на ногах путём сжимания пальцев и выгибания подъёма.

– Что это у тебя? – не выдержала в конце концов Женя, пытавшаяся было поначалу сделать вид, что её не интересует, чем занята сестра.

– Атлас автомобильных дорог.

– И где ты его раздобыла?

– Дал на время посмотреть один милый дядечка из перламутрового джипа.

– Ты опять вступаешь в разговоры с незнакомыми людьми?! Ну, сколько можно тебе говорить! – Взорвалась Евгения, которая всё ещё дулась на сестру после разговора в кафе. – И зачем тебе этот атлас? Решила путешествовать автостопом?

– Дядечка живет в нашей гостинице и едет к морю с девушкой, так что совершенно безопасен. А атлас мне нужен за неимением карты местности. Хочу попытаться отыскать тот городишко.

– Опять за своё?

– За своё, за твоё, за наше, – пробормотала Светлана, не отрываясь от книжицы и продолжая болтать ногами. Некоторое время спустя она принялась тихонько напевать мелодию без слов и вдруг резко подскочила. – Есть!!! Слушай, это точно был Тихорецк!

– Так ты еще и не была уверена?

– Теперь – точно уверена! Я вспомнила, вспомнила! *«На Тихорецкую состав отправится, вагончик тронется, перрон останется...»* А с платформы говорят: это город Тихорецк! Ну, что ты на меня смотришь как на сумасшедшую? Во-первых, это крупная узловая станция, на которой останавливаются все поезда, в том числе и скорые. Во-вторых, там имеется автовокзал, с которого мы тогда и отправились на автобусе в Краснодар. А в-третьих, я всегда подсознательно чувствовала, что эта песня мне что-то напоминает, и только сейчас название города окончательно выплыло из подсознания.

– Ты в сознание с самого своего рождения не приходила, – вздохнула Евгения. Ей вдруг стало совершенно очевидно, что ехать в этот городок всё равно придётся, и она решила лучше уж сразу покориться неизбежности, чем сделать это после долгих уговоров и утомительного нытья сестры. Она подняла с кровати атлас, заглянула в него и сказала с сомнением в голосе. – Город довольно большой, согласно обозначению, более пятидесяти тысяч населения...

– Ну и что? – с горячностью отозвалась Светлана. – Какая разница, сколько там населения. Это в любом случае не Екатеринбург, который вытянут на десятки километров. Сколько там улиц в этом Тихорецке? Десять? Двадцать? Да мы за полчаса пройдем весь этот городок пешком. Нам же надо только идти поперек улиц и смотреть на дома под номером «одиннадцать». И я узнаю этот дом!.. Слушай, я где-то тут поблизости видела железнодорожные кассы. Я сбегаю, а?

– Рассчитай только время так, чтобы мы прибыли в этот город твоих воспоминаний утром, а не на ночь глядя, – обречённо сказала Женя и добавила вслед уже выбегающей из номера Светке. – Атлас-то своему неопасному дядечке не забудь вернуть!..

Они сошли с поезда в шестом часу утра, и вот уже третий час петляли по улицам городка, который оказался не таким уж маленьким, как представлялось, глядя на точку на карте, его

обозначавшую. Энтузиазма у Светки заметно поубавилось. Если на вокзале она напевала: «*Стена кирпичная, часы вокзальные*» и решительно увлекала за собой сестру то в одну, то в другую сторону, то теперь ей было в пору затянуть: «*Платочки белые, глаза печальные*». Но девчонке было уже не до песен – она выглядела растерянной и подавленной. Ни один из домов, числящийся под номером «одиннадцать» даже отдалённо не напоминал изображённого на детском рисунке. На одной из улиц одиннадцатой оказалась пятиэтажная «хрущёбка», на другой между девятым и тринадцатым красовался двухэтажный особняк из итальянского кирпича под синей металлочерепичной крышей, на третьей нужного номера дома просто не оказалось, причём ничто не указывало на то, что он вообще когда-нибудь здесь был.

Часто для того, чтобы свернуть с одной улицы на другую, приходилось довольно долго шагать вдоль глухих заборов, за которыми разноголосно лаяли собаки. Такая роскошь как асфальт на некоторых улочках отсутствовала, и вскоре их уставшие ноги в светлых босоножках покрылись серой пылью, а головы начало припекать нещадно распалившееся солнце. Для уральских девчонок тридцать восемь градусов в тени не являлись привычными погодными условиями. Хотелось пить, а они как раз забрели в район, похожий скорее на деревенский, чем на городской, и никаких магазинов или киосков вблизи не наблюдалось.

– Чёрт, – тихонько выругалась Светка, споткнувшись о торчащий из травы металлический прут, – хоть бы карту города что ли. Понятия не имею, где мы находимся, а главное, куда теперь идти. Но мы ведь ещё не все улицы обошли, правда?

– Не знаю, что мы обошли, а что – нет, но у меня нет уже никакого желания без толку стаптывать подошвы. Давай-ка выбираться отсюда и двигаться в сторону вокзала, – сердито отозвалась Женя, которую начало уже мутить от жары и голода.

– Ты с самого начала ничего не хотела искать, – упрекнула сестра.

– Но ты же сама видишь, что это бесполезно. Мы уже черти куда забрались. Вон, кстати, твой очередной одиннадцатый забор. Похож?

– Не очень, – вздохнула Света. – Этот железный. Но я спрошу на всякий случай, ладно?

Она поискала глазами, к кому бы обратиться с вопросом, не увидела поблизости ни одной живой души, кроме пасущихся у забора гусей, обошла их с опаской, постучалась в калитку и только потом у щели почтового ящика заметила кнопку электрического звонка. Гулко залаял сидящий на металлической цепи чёрный беспородный пёс, и почти сразу же из флигеля вышла молодая женщина и пошла по вымощенной серым камнем дорожке к ним навстречу.

Светка, успевшая уже заглянуть во двор сквозь прорези в металлическом заборе, имеющем сетчатую структуру, прекрасно понимала, что видит совсем не тот дом, в котором ночевала когда-то ребёнком, но надо же было хоть что-то предпринять в плане поисков нужного объекта, и она робко спросила у приоткрывшей калитку женщины:

– Простите, мы разыскиваем женщину без одной руки. Не знаете, не живёт ли где поблизости?

– Без руки? – удивилась хозяйка, вытирая мокрые руки о цветастый полинялый передник и внимательно оглядывая сестёр. – Что-то я даже и не слышала. А какая улица вам нужна? На соседней парень из Чечни без руки вернулся... А чтобы женщина... Нет, не знаю такой. У вас адрес-то есть?

– В том-то и дело, что мы знаем только номер дома, – начала было объяснять Света, но Женька перебила, в свою очередь обратившись с вопросом:

– А как побыстрее добраться отсюда до автовокзала?

– До вокзала? До перекрёстка дойдёте, а там автобус ходит.

Из дома с рёвом выскочил мальчик лет трёх в синей майке, доходящей ему до колен, побежал к женщине, но упал прямо на камни и закричал еще громче, и она, подхватив его с земли одной рукой, другой закрыла калитку. Женькин вопрос: «А номер автобуса?» остался без ответа.

Смирновы дошли до перекрёстка, искали глазами остановку, заметили нечто, что могло бы выполнять её функции, и встали под тень орехового дерева у металлического столба с поржавевшей табличкой и едва различимыми на ней номерами автобусов. Женьку отчаянно тошнило, и в ответ на Светкину жалобу, что очень хочется пить, она едва нашла в себе силы пробормотать:

– Не стони, можно подумать, это я тебя сюда затащила.

На остановке тем временем потихоньку стал собираться народ, и вскоре показался запылённый желтый «Икарус». Сестры вошли в него, уточнив, что доедут до автовокзала, но проехали только две остановки. Светка только приготовила мелочь, чтобы вручить продвигающейся в их сторону по салону женщине-кондуктору, как Женька молча потащила сестру к выходу.

– Ты чего? – протестовала та, выпрыгивая из автобуса. – Мы же не доехали! Что случилось-то?

Евгения сделала несколько шагов в сторону и присела за кустами, скрываясь от взглядов прохожих. Её вырвало. Светка почувствовала острый укол совести за то, что мучает почём зря беременную женщину, и заметалась, ища, где бы взять воды, чтобы попить и умыться. Заметила вдали, на противоположной стороне улицы вывеску «Продукты» и предложила:

– Хочешь, посиди здесь, на лавке, я в магазин сбегая. Или вместе?

– Вместе, – произнесла Женя, почти не разлепляя губ.

Ей было стыдно и противно, казалось, что все прохожие видели и знают, что с ней произошло, и ещё ужасно себя жалко. В памяти вдруг отчетливо всплыло нежное мамино лицо с застывшей в глазах укоризной, словно она не одобряла тех мытарств, на которые обрекла себя Женька, как никогда ранее нуждающаяся сейчас в полном покое и полезном питании. Ей страшно, до боли, захотелось прижаться к матери, попросить у неё прощения за то, что так к себе не бережна. И сока попросить. Сок захотелось так отчаянно, причём всё равно какого, апельсинового ли, ананасового, что аж челюсти свело. Она так и видела перед собой запотевший стеклянный стакан, наполненный желтой непрозрачной жидкостью, в которой, казалось, и заключался сейчас весь смысл её бродяжьего бытия. И Женька зашагала вслед за сестрой к магазину.

Им повезло. Холодный апельсиновый сок в наличии имелся. Девушки примостились у серой стены двухэтажного дома и выпили всю литровую пачку, разливая сок в разовые пластиковые стаканчики и запивая им свежее испечённые булочки с изюмом. До вокзала решили добираться пешком, потому что Женька, несмотря на то, что ей заметно полегчало, всё же не решалась пока забраться в душный автобус. Спросили у проходившего мимо дедка, в какую сторону двигаться, и пошли, стараясь держаться в тени.

– А после сока всё равно пить хочется, не утоляет он жажды, – сказала Светлана, приметилла водяную колонку и направилась к ней. Однако воды в колонке не оказалось. Сколько не качала Светка туго поддающийся горячий металлический рычаг, из крана ничего не побежало, и она безнадежно махнула рукой. – Пересохло всё, – и вдруг замерла. – Женька, смотри! Вот этот забор ужасно похож. И сердечко вырезанное!

– Это же сорок восьмой номер, – возразила сестра.

Но Светка уже пошла к деревянной калитке, делящей на две равные части невысокий деревянный забор. Выглядел он изрядно покосившимся, и темно-зеленая краска во многих местах облупилась, обнажая слой более светлой, находящейся под ней. Следопытка положила на остроконечные заборные доски согнутые в локтях руки и принялась разглядывать чужой двор, очевидно, совсем недавно выбеленный небольшой домик, аккуратненький сарай, плодовые деревья. С той стороны за ней с не меньшим любопытством следила молодая кавказская овчарка. Женька, которую снова замутило, нетерпеливо сказала:

– Ну, давай, стучи, выясняй поскорей, да пошли уж!

Светка не была ни в чём уверена и никак не решалась постучать в калитку, но сердечко отчаянно билось и сладко замирало в предвкушении неожиданно свалившейся удачи. Она совсем уже было собралась с духом, как откуда-то из глубины двора появилась полная пожилая женщина с оцинкованным ведром, полным пупырчатых салатных огурцов.

– Тебе чего, девочка? – спросила она, встретившись глазами со Светкой, и та скороговоркой выпалила:

– Мы разыскиваем женщину с одной рукой. Кажется, она должна жить в этом доме.

– А на *што* вам? – женщина осторожно опустила на асфальт ведро и утёрла тыльной стороной руки вспотевший лоб.

– Эта женщина была подругой нашей с сестрой матери, и мы хотели бы...

– Это какой такой подруги? – продолжала допытываться женщина, настороженно глядя на Светлану.

Женя, стоящая поодаль, была ей не видна.

– Да вы откройте-то дверь, впустите нас поговорить, мы не бандитки какие-нибудь. Разыскиваем подруг нашей мамы. Дайте хоть воды напиться, в колонке вашей пусто совсем! – Светка уже поняла: это здесь, и пошла в наступление.

– Точно пересохло. Ну-ка, целый месяц такая сушь стоит, – согласилась женщина и скинула металлический крюк с внутренней стороны калитки, пропуская девочек во двор. – Пойдёмте в летнюю кухню, напою.

То, что Светка поначалу приняла за сарай, оказалось небольшой летней кухонькой с двухкомфорной газовой плитой, столиком и стареньким холодильником с удивительным названием «Сара». Позже Светка догадалась, что вторая половина слова – «тов» – просто-напросто отвалилась. Женщина открыла холодильник, извлекла из него полутора литровую пластиковую бутылку, разлила компот из черешни по керамическим кружкам и представилась:

– Ольга Вячеславовна. А вас как зовут? – и после того, как девочки назвали свои имена, опустилась на табурет, взглядом предложила гостям присесть и обратилась к младшей. – Так тебя мать в честь нашей Светки что ли назвала?

– Какой Светки? – не поняла Евгения.

– Да той самой, какую вы ищете. Которая с одной рукой. Вы что ж не знали, как её звали? И что она уже десять лет как умерла, тоже не знаете? Мать разве вам не говорила? Чего она вас послала-то сюда?

– Она нас не посылала. Её тоже уже не в живых. А я просто вспомнила, что была подруга, вот мы и решили разыскать, поговорить... А вы – мама Светланы? – спросила юная посетительница, крайне огорченная таким поворотом событий.

– Я соседка бывшая. А мать Светы, Тамару, в прошлом году похоронили. Я их досматривала обеих, и мать, и дочь. Дом их наследовала. Вы что хотели узнать-то?

– Ну, я не знаю, что конкретно, – растерялась старшеклассница. – О мамином прошлом. У нас ведь никого с сестрой не осталось.

– Так вы той детдомовки дочки? – догадалась хозяйка. – Помню, как-то приезжала она сюда... А что ж ваш отец?

– Мы думали, может, подруги матери помогут нам его найти.

– Вот оно что. Ну, тут я вам вряд ли чем помогу. Чего не знаю, того не знаю.

– Просто расскажите что-нибудь о своих соседях, – попросила Света так жалобно, что Ольга Вячеславовна вздохнула и сказала:

– Не знаю, что и рассказать-то. Это ж целая жизнь. Что тут скажешь в двух словах? Да и дел у меня полно. Борщ вон надо заправлять, мясо уже сварилось, – она поднялась и заглянула в кипящую на медленном огне кастрюлю.

– Мы поможем, – вызвалась Евгения.

Но помощницами незваные гости оказались никудышными, ибо ориентироваться на чужой кухне было сложно, и Ольга Вячеславовна, то шинкуя овощи, то помешивая жарящийся на сковороде лук, то присаживаясь на табурет и откровенно внимательно разглядывая сестёр, не очень складно и последовательно рассказывала печальную историю семьи своей соседки. Таким образом, девочки узнали следующее.

Светлана была поздним ребёнком. Родилась она у Тамары Владимировны и Николая Николаевича в то время, когда старший сын уже в армии служил. Мать ему написала: дескать, вернёшься, будет тебе сюрприз – братик или сестрёнка. На что Андрей ответил нечто вроде: «Не позорься, какие тебе ещё дети на старости лет!». Тамара на свойственные юности резкость и эгоизм обиделась и больше писать на эту тему ничего не стала. Не сообщила сыну и о рождении сестры. Однако вскоре телеграмму Андрею пришлось отбивать не о радостном, а о печальном известии.

Николай умер внезапно. Пришёл с работы, присел к столу поужинать, и вдруг опрокинулся вместе со стулом на пол. Врачи констатировали инфаркт. Так вот Тамара и вырастила дочку с семимесячного возраста одна. Сын на похороны к отцу приехал, но потом пропал на десять лет. Дослужил и остался жить и работать там же, на Дальнем Востоке. И только шесть лет спустя явился в отпуск с женой и мальчиком-школьником, который, судя по его возрасту, никак не мог приходиться Андрею родным сыном.

Светлана выросла красивой и яркой девушкой, избалованной матерью и мужским вниманием. Уже с седьмого класса бегала на свидания к старшим парням, однако подолгу ни с кем не встречалась, меняя кавалеров так же часто как наряды, которые шила себе сама по выкройкам из журналов мод. Старший сын Ольги Вячеславовны тоже в своё время глаз не сводил с привлекательной соседки. Однако и он не избежал участи многих своих сверстников, поманенных и отринутых капризной красавицей. В голосе хозяйки дома и сейчас, многие годы спустя, сквозила материнская обида за сына:

– Так и сох мой Сашка по ней, пока в армию не ушёл. Да и оттуда в каждом письме всё спрашивал: как там Светка? Сколько уж говорила ему: не про тебя девка! Слишком гордая да балованная. По дому ничего не хотела делать, в огород, бывало, палкой не загонишь. И только десять классов кончила – сразу в Сочи! Дескать, не буду жить в вашей глуши, в земле копать! Три лета подряд ездила подрабатывать, всё жениха богатого искала. Да на курортах-то мужей не ищут, там так только, поразвлекётся... Потом уж в Тольятти маханула. Тогда и заезжала с подружкой к Тамаре погостить. Говорила, подружка – детдомовка вроде как с самого Магадана приехала. В Сочи они познакомились. Работали там вместе в кафе.

– Подругу Татьяной звали? – перебила Евгения.

Младшая сестра, которая слушала, затаив дыхание, махнула рукой: не мешай, мол, и так всё ясно.

– Я уж и не помню, пару дней-то и побыли они всего. Хотя нет, не Татьяной. Какое-то было имя посложнее, ненашенское что ли... Ну вот, уехали они, устроились там на завод. Потом соседка хвасталась: дескать, дочка пишет, что с работы уволилась, потому как замуж вышла, врача себе богатого нашла, ребёночка ждёт... Ну, а потом всё это и случилось со Светкой-то.

– А что случилось-то? – снова не выдержала Женья.

– В аварию попала. Из больницы прислали телеграмму. Тамара как уехала в Тольятти, так только через три месяца вернулась. Светку на руках в дом внесла. От девки тень одна осталась: ни ходить, ни говорить. Руки нет, глаза нет, пол-лица обожжено. Ребёнка она потеряла, а уж на восьмом месяце была. Мужик, ясное дело, бросил. Калека – она кому, кроме матери, нужна?.. Мы с Тамарой и нянчились с ней. Вроде как выходили. Она у нас и ходить стала, и по дому даже старалась помогать, а всё чахла. Бывало, выйдет во двор, сядет на стульчик раскладной, на солнышке греется. Думает о своём, а слёзы по лицу так и катятся. А она их

и не отирает, будто и не замечает вовсе... Эх, пропала девка ни за что! – Ольга Вячеславовна кухонным полотенцем промокнула пот со лба, встряхнула головой, откидывая назад прядь чёрных волос, и объявила. – Ну, вот и готов наш борщ. *Щас* петрушку закину, да и есть будем. Вы ведь поди, не кормленные. Откуда приехали-то? Я и не спросила.

– Вообще-то из Екатеринбурга, но сейчас из Ростова, – туманно ответила Евгения.

Из кастрюли пахло так аппетитно, что сестры не нашли в себе сил отказаться от обеда, хотя и испытывали неловкость оттого, что приходится есть в чужом доме, в который явились без приглашения.

– Простите, вы сказали, что ваша молодая соседка умерла десять лет назад, – сказала Светлана, не решаясь отправить в рот ложку с дымящимся ярко-оранжевым борщом, приправленным густой сметаной. – Но я была в этом доме как раз десять лет назад, в это же время года. Мы с мамой приезжали и ночевали тут.

– Да? – удивилась Ольга Вячеславовна. – А я и не знала. Приезжала, стало быть, ваша мама подружку перед смертью проведать, попрощаться. Может, Светлана написала ей, что умирает. У неё ведь рак был. Мы поздно спохватились. Как узнали, ничего уж поделать было нельзя. Сколько облучали её, бедную, кололи – только волосы все повылазили. А осенью ушла она от нас... И откуда этот рак берётся! Верно, от аварии беда на неё такая нашла... А Тамара в прошлом году ушла... Царствие им небесное... И только пред смертью и призналась мне, что дочка-то не просто так в аварию-то попала, а взорвали её вместе с машиной!

– Как – взорвали? – Светка так и подскочила на своём табурете, уронив ложку на пол.

– Бомбу подложили в «Жигули», – Ольга Вячеславовна дотянулась до ящика разделочного стола и протянула гостье чистую ложку. – А кто уж, да за что, того не знаю. А Тамара до самой смерти боялась даже помянуть об этом... Сына своего всё в гости ждала. Так и не дождалась. Я ему уж потом телеграмму отбила на пол-листа. Так и написала: поимей совесть, выполни сыновний долг перед матерью, проводи в последний путь! Он, правда, прилетел. Думаете с матерью проститься? Ничего подобного. Только с кладбища вернулись, как он мне: «Посоветуй, Вячеславовна, как скорее дом продать». Я говорю: «Это ты какой же дом собрался продавать?» – «Как какой? Свой, отцовский!» – «А с чего это он твой? Ты сестру-калеку нянчил? Ты мать парализованную досматривал? Или деньгами им помог? Раз только полтинник и прислал, когда со Светкой горе приключилось. А сколько на лекарства денег-то ушло?!». Дом-то Тамара мне отписала. Я сюда и переселилась, а свою хату детям оставила. И так уж последние годы почти постоянно здесь и жила, с невестками не лажу. Да и к Тамаре через забор не набегаться, ей же постоянный нужен был уход. Так что, вы думаете, сынок удумал? Выкопать мать обратно и экспертизу провести на предмет её вменяемости! Она, говорит, в последние годы не в своём уме была, вот вы и воспользовались случаем дом захватить. Это ж надо такое придумать! Посмертную экспертизу на дееспособность проводить! Мои сыновья, как такое услышали, так чуть не прибили его, гада. Еле ноги отсюда унёс. А в суд всё же подал заявление. Да ничего не высудил. Судьи тоже ведь понимают, что завещание есть завещание. И не бедный Тамарин сынок, есть у него жильё...

Поняв, что Вячеславовна затронула болезную для себя тему и не скоро с неё сойдёт, Евгения осторожно перевела разговор:

– Скажите, а в каком году Света и её подруга уехали в Тольятти?

– В каком году? Дай Бог памяти... А что ж, я вам точно сейчас скажу. Это ж Сашка мой вот-вот из армии должен был вернуться. Я ещё просила Светку: ты дождись парня, любит он тебя, может, что и выйдет у вас хорошее... Куда там! Это был восемьдесят третий. Октябрь, наверное.

– А когда с ней несчастье случилось?

– А это уж был восемьдесят седьмой, самое начало февраля. У меня как раз первая внучка родилась.

Девочки многозначительно переглянулись. Февраль восемьдесят седьмого – эта дата говорила им о многом. Именно в это время их мать переселилась в Екатеринбург. И Евгения спросила:

– А у вас не осталось фотографий Светланы? Писем, может, каких-нибудь?

– Писем точно нет никаких. Они и не хранили. А фотографии я весной ещё пожгла. Кому они теперь нужны, кто в них заглянет! Так, пару штук себе на память оставила.

Ольга Вячеславовна ушла из летней кухни в дом и вскоре вернулась с цветной фотографией, потянув её сёстрам с гордостью, будто умершая девушка была её дочерью, а не всего лишь соседкой:

– Вот вам и красавица наша.

Девушку и впрямь можно было назвать красивой. Нежный овал лица, светлая чёлка, прикрывающая высокий лоб, аккуратный носик, пухлые чувственные губы, слегка растянувшиеся в улыбке, и при этом застывшее в больших зелёных глазах нечто жалостливое, будто тогда уже знала, какая участь ей уготована так много поначалу обещавшей судьбой.

– А можно я сфотографирую снимок? – спросила Света, доставая из рюкзака фотоаппарат и не решаясь просто попросить снимок.

– Сфотографируешь снимок? – удивлённо переспросила Вячеславовна. – И что это у тебя получится? Забирай уж на память о материнной подруге. Ты очень похожа на свою мать в дни её молодости. Смешная такая была девчонка, бойкая. Всё песенку какую-то напевала прибалтийскую, говорила, бабушка в детстве научила.

– Бабушка? – поражённые девчонки выдохнули это слово одновременно.

– Ну да, сказала, бабушка... А эту Светочкину фотографию я часто вижу – я с неё на памятник портрет заказала. Я ведь не просто похоронила соседок, да забыла: и поминки такие устроила, что вся улица диву далась, и могилки в порядке содержу. Так что мне этот дом не даром дался. Я его уж и побелила, и в порядок привела. До забора только руки не дойдут. Сын всё обещает помочь, да никак не соберётся заменить.

– По этому забору мы вас и нашли, – улыбнулась Светлана, пряча фото в рюкзачок. – Спасибо вам за рассказ, за обед. Нам пора уже.

– А то оставались бы на пару деньков погостить, – как-то по-матерински предложила им вдруг женщина, ещё пару часов назад бывшая вовсе незнакомой. – Внуки у меня на море, так что одна скучаю. Пирожков напечём, на кладбище сходим.

После того как девочки решительно отказались принять предложение, хозяйка проводила их до калитки, и они пошли в сторону вокзала, до которого, как выяснилось, всего-то было минут десять хода.

– Настоящая казачка эта Вячеславовна, – высказала младшая сестра своё первое впечатление от визита. – Черноглазая, черноволосая, полная, статная... Борщ, пироги.

– Тогда получается, что соседка её молодая была ненастоящая казачка? – насмешливо возразила Евгения. – Светловолосая, зеленоглазая, худая. Ни тебе борща, ни пирогов.

– Знать бы ещё, кто мы с тобой такие, – рассеялась Светка и озадаченно добавила. – Чёрт, зря мы не попросились в туалет.

Глава 7

МОРЕ, ДЕВСТВЕННОСТЬ И БРАК

Сёстры Смирновы лежали на гальке у самой кромки Чёрного моря и блаженно расслабились, подставляя солнцу незагорелые тела. Вчера у них выдался тяжёлый день. Из Тихорецка сначала добирались на автобусе до Краснодара, решив, что так всё же быстрее, чем на поезде, а потом чудом вскочили в последний отходящий рейсовый «Икарус» на Геленджик, и прибыли в город уже в одиннадцатом часу вечера. Выбирать жильё в это время суток особо не приходилось, и, боясь остаться на ночь под открытым небом, они остановились в первом же дворе, на воротах которого увидели картонную табличку с надписью в стиле «что слышим, то и пишем»: «здаётца комната».

«Комната» оказалась сколоченным из фанеры однодверным шкафом, ибо исходя из архитектурного замысла и габаритов сооружения, назвать его жильём можно было только с большой натяжкой, да и то при наличии богатого воображения. Напротив входной двери стояла пионерская тумбочка, зажатая с двух сторон железными койками, которые в свою очередь тремя сторонами плотно упирались в фанерные стены. Внутреннее убранство «шкафа» завершалось мутноватым куском зеркала с неровными краями, висящим над тумбочкой, и ситцевой занавеской, прикрывающей не застеклённую квадратную прорезь в фанерной стене. Подразумевалось, что это окно.

Подобными «комнатами» был загромождён весь двор, между ними расположились колченогие столики, рукомойники и пара холодильников, стоящих прямо под открытым небом. Тут же на протянутых между деревьями веревках сушилось постельное бельё, купальники и полотенца. За одним из столиков господа отдыхающие глушили водку, закусывая свежими овощами и нарезанной крупными кусками варёной колбасой. Сестры немедленно получили приглашение от уже изрядно набравшихся парней присоединиться к компании и почли за благо ретироваться.

Ночной Геленджик, превратившийся в одно сплошное нескончаемое кафе, встретил их разномастной толпой и разноголосой музыкой. Люди прохаживались по набережной, сидели за столиками и дёргались в ритме льющихся из динамиков песен. Причём часто получалось так, что танцоры оказывались буквально «меж двух огней». На одной площадке звучала ностальгическая композиция в духе дискотеки восьмидесятых, в соседнем заведении ансамбль «в живую» исполнял нечто зажигательно-латиноамериканское. Впрочем, подобное наложение мелодий, близкое к подлинной какофонии вполне позволяло отдыхающим танцевать, прислушиваясь не к звукам колонок и инструментов, а к собственной внутренней ритмике.

Сёстры присели, чтобы перекусить, им принесли меню, и пока Женя выбирала из недлинного списка предложенных блюд самое дешёвое, Светка не отрывала восхищенного взгляда от спокойной глади моря, которое выглядело сейчас и впрямь Чёрным, отражая своей матовой поверхностью береговые огни и пограничные прожектора. Евгения всерьёз опасалась, что сестра потребует ночного купания, но та, едва дожевывая свою порцию шашлыка, сказала: «Всё, спать! Хватит на сегодня впечатлений».

В благодарность за проявленное благоразумие, Женька пообещала сестре купить купальник, но, проснувшись утром, передумала и отдала ей свой. Впрочем, старшекласница не возражала, она была согласна, что студентке новый купальник нужнее, поскольку старый стал ей явно тесен в груди. Светка на всё была согласна, в обмен на счастье броситься с разбега в солёную воду, наплавать до одурения и упасть потом без сил на тёплую гальку, или просто погреться на солнце, ощущая, как с кожи медленно и щекотно испаряются солёные капельки морской воды.

– Хорошо-то как, – произнесла она лениво, – на гальке и то удобнее лежать, чем на этих жутких кроватях, сетки до земли провисли. Где только раздобыли такой антиквариат? Небось,

со времен Второй Мировой остались, из госпиталя военного приволокли. Если был бы пол, можно было бы кинуть матрацы на него. Но пола практически нет, свободного пространства полметра всего. Разве что расположиться под кроватями. Да ещё придурки эти из соседней комнаты полночи песни орали...

– Можно подумать, ты что-нибудь слышала! Спала как убитая, – возразила Евгения, пересыпая влажные серые камешки между пальцев.

– Я всегда всё вижу, всё слышу, всё запоминаю.

– Ага, например, номер дома, который мы искали в Тихорецке.

– Ладно тебе, – рассмеялась Светлана. – Наверное, я в то время умела считать только до одиннадцати. Это ты у нас великий счетовод, а я больше специализируюсь на изобразительном искусстве. И всё-таки я нашла этот дом.

– Да уж. Только что это нам дало?

У девушек до сих пор не было возможности свободно поговорить о поездке в Тихорецк, оставившей смурное впечатление. Они ни на шаг не приблизились к своей цели, да и сама цель их странствий претерпела изменения. Они уже почти забыли, что отправлялись на поиски отца, сейчас их больше занимала загадка прошлого матери.

– Как это: что дало? Не так уж мало, как кажется. Во-первых, теперь мы знаем, что мама была не такой уж безродной. По крайней мере, она знала свою бабушку, которая научила её какой-то прибалтийской песенке. Во-вторых, из Магадана мамочка направилась вовсе не в Ростов, как нам рассказывала, а напрямик в Сочи. Там она какое-то время работала в кафе, познакомилась и подружилась со Светланой из Тихорецка. И потом они на пару укатили опять-таки не в Ростов, а в город Тольятти, где устроились на работу. Жаль, не знаем, на какую. Вячеславовна говорила, на какой-то завод. Но какой именно? Кажется, там самое мощное производство – это выпуск «Жигулей».

– Поедем в Тольятти? – усмехнулась Евгения. Наверное, если б Светлана принялась сейчас же с присущей ей горячностью доказывать, что посетить этот волжский городок им совершенно необходимо, она бы тут же согласилась. Казалось, студентке было уже абсолютно всё равно, куда они отправятся в ближайшие дни.

– Неплохо бы, Волгу увидим, – мечтательно протянула Светлана. – Но не сейчас, надо сначала всё хорошенько обдумать. Я тут сопоставила факты и даты и обнаружила два весьма занимательных момента. Смотри, в Тольятти они уезжали в октябре восемьдесят третьего. А мама в это время была беременной. Тобой, между прочим. Значит, она ехала вслед за своим любимым...

– Или убегала от него.

– Это вряд ли. Скорее всего, у них просто не сложились отношения. Хотя вполне возможно, что он действительно был родом из Поволжья. Может, отдыхал в Сочи, там они и познакомились. А вот убегала она уже из Тольятти. И связано это было не с личными отношениями, а с тем взрывом. В какую-то историю они там с этой Светланой впутались, в результате одну взорвали в автомобиле, а вторая скрылась. Теперь-то ясно, почему мама так испугалась, когда я начала приставать с этой «однорукой тётёй», почему хотела, чтобы я забыла об этом прощальном визите. Она боялась!

– Ну, не так уж и боялась, если всё же решилась приехать к подруге в Тихорецк, да ещё с маленьким ребёнком, – возразила Женя. – И не так уж мама и скрывалась. Если бы за ними охотилась мафия, то и Светлану, как пить дать, нашли бы и добились в собственном доме, да и женщину с двумя детьми, зная её фамилию, запросто могли обнаружить даже в таком большом городе как Екатеринбург.

– Ну, почему сразу мафия? По-моему, в России в восьмидесятые годы и понятия-то такого не было. Там могло быть что-нибудь другое. И потом даже мафия не стала бы добивать женщину-калеку, от которой никому никакого вреда, если только она не была свидетелем пре-

ступления... Я вот что сделаю. Приедем домой, залезу в Интернет и подниму подшивки газет, выходявших в Тольятти в феврале восемьдесят седьмого года. Там обязательно что-нибудь будет об этом взрыве.

– Слушай, ну, ты иной раз как выдашь что-нибудь, хоть стой, хоть падай, – Женька резко перевернулась с живота на спину, совершенно позабыв о том, что застёжка на верхней части купальника у неё была расстёгнута, и тут же услышала восхищенный свист шагнувшего к воде симпатичного, дочерна загоревшего парня. Она принялась неловко натягивать чашечки лифчика на оголённую грудь. Света так резко рванулась на помощь сестре, пытаясь застегнуть тугие крючки, что уронила при этом собственный лифчик. В конце концов, справившись с непослушной одеждой, обе, смущённо посмеиваясь, полезли в воду.

– А что такого я сказала? – спросила маленькая курортница, отплывая с мелководья.

– Ничего умного. В те годы ещё не существовало Интернета. Возможно, компьютерного набора газет, и того не было. Кто ж тебе станет сейчас перепечатывать тысячи номеров старых газет и вносить их тексты в электронный архив!

– Действительно, – согласилась Светка, осознав свой промах, – но можно в библиотеке подшивки полистать!

– Это опять-таки надо лететь в Тольятти! Во имя чего? Чтобы прочесть заметку в три строки о том, что такого-то числа в городе прогремел взрыв, в результате которого пострадала молодая женщина, причины неизвестны, преступники не пойманы, ведётся следствие?

Светлана молча уплывала от несущихся ей вслед справедливых замечаний сестры. Она не сомневалась, что придумает какой-нибудь ловкий ход, и всё равно проникнет в тайну прошлого. Не зря же судьба сама вела их по следу, буквально натолкнув на нужный дом в Тихорецке, причём в тот самый момент, когда они уже отчаялись его найти и собирались ретироваться.

Чтобы не тратить на обед в кафе, девочки накупили на рынке овощей, домашней колбасы, творога и сметаны, разложили все припасы на столике во дворе и спокойно перекусили, пользуясь тем, что шумные соседи разбрелись кто куда. Когда прикинули, вышло, что продуктов они набрали на сумму, позволяющую дважды пообедать шашлыками. Особенно поразили цены на фрукты. Сёстрам почему-то казалось, что на юге они должны стоять буквально копейки.

Евгению клонило в сон, но заснуть в их крошечной комнатке, наполненной горячим полуденным воздухом, не представлялось возможным. Здесь и ночью-то было безумно душно. Светлана всё предлагала поискать жильё попроще, а лучше снять номер в гостинице. Но старшей сестре не хотелось снова складывать вещи и куда-то перебираться, а ещё было жаль денег, выплаченных за три дня вперёд, ибо на меньшее хозяйка категорически не соглашалась, аргументируя тем, что если будет сдавать жильё посуточно, то стирка белья влетит ей в копеечку.

И девушки снова пошли к морю, прихватив с собой целлофановый пакетик с ароматными персиками. Последние оказались одним из немногих видов фруктов, выращенных на кубанской земле, ибо большинство других плодов, к удивлению Смирновых, имели греческое или турецкое происхождение. Впрочем, это было не единственное из не подтвердившихся стереотипных представлений о курорте. Ожидания, что на каждом шагу к ним будут приставать горячие кавказские парни, а также всякого рода одинокие отдыхающие и командировочные, пытаясь уж если не похитить, то немедленно затащить в ресторан или в ближайшие кусты, не оправдались. Не то чтобы их совсем уж не замечали, но особого усердия в завоевании сердец юных красавиц и мест в их постелях, никто не проявлял.

Девчонки провалялись на берегу до самого вечера, пока пляжная полоса не покрылась тенью близлежащей горы и не обезлюдела. Курортники один за другим уходили готовиться к ночи, в которой сну отводилось самое незначительное место. Им предстояли неторопливые

прогулки и безудержные застолья, пьянящие танцы и трепетные объятия – неотъемлемые развлечения южного города, собирающего ежегодно миллионы любителей удовольствий, среди которых само море – далеко не самое важное.

Сёстры Смирновы сидели за столиком на вымощенной новенькой разноцветной плиткой набережной и пили разливное пиво из полулитровых кружек.

– А у тебя со Стасом всё-всё было? – спросила Светка, отхлебнув глоток холодного пива, оставившего пенный след над её верхней губой, так что образовались симпатичные маленькие усики.

Евгения чуть не поперхнулась от неожиданности вопроса и непонимающе уставилась на сестру:

– Что значит, «всё-всё»?

– В плане секса. Ну, раз ты беременна, то само собой, вы переспали. Я имею в виду, всякие там французские поцелуи, позы разные необычные...

– Ты больше не нашла о чём спросить? По-моему, тема глубоко интимная и обсуждению не подлежит.

– Вот всегда ты такая скрытная! А что я такого спросила? Это же всё совершенно естественно. Мне просто интересно. Небось, со своей подружкой-квакушкой Наташкой ты об этом сплетничаешь.

– Ни с Наташкой, ни с кем другим. Мой секс касается только двоих – меня и Стаса. И зачем ты вообще затеяла этот разговор? Что, самой уже захотелось попробовать?

– Мне?! – Светка презрительно скривила и рот и наконец-то стёрла рукой подтаявшие на коже пенные усики. – Да я ни в жизнь бы на такое не пошла. У нас, если хочешь знать, полкласса уже друг с другом по кругу перетрахались. Только и обсуждений: эта была с тем, а теперь она с этим... Только я в эти игры не играю. Чего ради какой-то козёл должен за просто так меня поиметь, да потом ещё и бахвалиться, презрительно поплёвывая? Чем любой из этих сопляков заслужил право хотя бы притронуться ко мне? Нет уж, я не дешёвка какая-нибудь, я свою девственность дорого продам.

– Как это «продам»? – заинтересовалась Евгения. – Есть уже покупатель на такой редкий товар, или ты собираешься дать объявление в газете?

– А ты не смейся, я, между прочим, вполне серьёзно говорю. Я как-то прочитала в жёлтой прессе что-то вроде письма в редакцию, ну знаешь, пишут такие опусы...

– Ага, сами сотрудники редакций на досуге.

– Не важно. Так вот там героиня набросала себе такой жизненный план. Сама она из провинциального городка, приехала в Москву, поступила в престижный вуз, а до этого занималась изо всех сил, а не по вечеринкам слюнявым шлялась. И разработала целую науку, как подцепить богатого жениха. Научилась, как правильно себя преподать, как ходить, говорить, одеваться. Старалась вращаться только среди солидных людей, и, в конце концов, на неё клюнул тридцатилетний владелец процветающей фирмы... А она ему: ничего подобного, милый, я девушка честная, только через ЗАГС! И парень понял, что эта штучка высоко себя ценит, и он тоже оценил её соответственно. Я прочла это откровение и сначала подумала: ах, какой цинизм! А потом поняла, что это правильно. Так и надо. Если хочешь жить в роскоши, сначала заработай право выбрать богатого мужа, и нечего тут стесняться. Вот я и решила: поступлю на худграф, окончу с красным дипломом, устроюсь на работу в крутую фирму и никому больше не стану представляться Светкой – только Ланой. «Лана» звучит красиво и загадочно. А потом какой-нибудь солидный мужичок подвернётся, ну, например, из числа клиентов фирмы, и прибегнет он к моим дизайнерским услугам для оформления своего загородного особняка, этажа этак в три-четыре. А тут Я. Образованная, деловая, красивая, изысканная, и неприступная. Всякий сразу поймёт, что это настоящая жена для достойного человека, бесценное сокровище, а не игрушка на одну ночь, не подстилка, на которой каждый может поваляться, кому не лень.

И сначала белоснежное платье, церковь, венчание, ЗАГС, бриллианты, а потом уже всё остальное. И первая брачная ночь в «Гранд-отель» в Париже. Шёлковые простыни, свечи в канделябрах, шампанское в ведёрке со льдом...

– Очень поэтично. Слушай, да тебе стихи надо писать, у тебя призвание. А если ты его не полюбишь, этого своего солидного мужичка? Они к тому же, как правило, чем солиднее, тем женатее.

– Пусть будет разведённый, не важно. Намается с первой женой-дурой, больше вторую ценить будет. И зачем мне его любить-то? Мужа уважать надо. А уважать мужика, который не может обеспечить тебе достойную жизнь, невозможно. А то любовь-морковь! Насмотрелась я на эти любви. Сразу – бух в койку, да хорошо еще, если не на матрац на чердаке. А потом: «Ах, он меня наутро разлюбил, мою подружку полюбил, а я теперь опять беременна»!.. Ой, Жень, извини, я совсем не тебя имела в виду.

– Я не обиделась, – просто ответила Евгения. – В конце концов, каждый имеет право на свою жизненную позицию. Хранить девственность до брака – очень похвальное для юной девушки намерение, тем паче, если оно действительно будет исполнено. Любая мать порадовалась бы столь разумным мыслям своей дочери, особенно – бабушка.

– Обиделась! И ёрничаешь теперь. Не переживай, всё у тебя с твоим Стасом получится, тебя невозможно бросить, ты у меня такая умная и красивая.

– Не подлизывайся, – отмахнулась Женька.

– Ты ведь его настоящему любишь, правда? Значит, он просто не может тебя не любить. Я ещё читала по этому поводу...

– Да ты у нас, оказывается, в вопросах пола девушка весьма начитанная. Я и не предполагала.

– Кстати, о бабушке. Меня просто дико поразило, когда эта Вячеславовна Тихорецкая сказала, что у мамы была бабушка. Может, она и сейчас жива? Или кто-то ещё из родственников? Ну, почему, почему, мама нам постоянно врала?! Ну, что такого было сказать, что она помнит бабушку? Или она и отдала Татьяну в детдом, а мама не смогла этого простить и отреклась от родных?.. Песенку она напевала! Ты хоть раз в жизни слышала, чтобы наша мама что-нибудь напевала? По-моему, ей вообще, как и тебе, медведь на ухо наступил. И почему песенка была прибалтийская? Может, наша бабушка, то есть, прабабушка, была какой-нибудь эстонкой или литовкой? Ведь я похожа на прибалтку, правда? Ты – точно нет. А я похожа?

– На помидор ты похожа. По-моему, ты сгорела.

Девочка и сама чувствовала, что схватила от жадности слишком много солнечных лучей, но боялась в этом признаться, чтобы не нарваться на упрёки сестры, которая неоднократно в течение дня предлагала ей накрыться полотенцем. Свету слегка знобило, а кожа на плечах и спине горела так сильно, что, даже прикосновение к ней лёгкой хлопчатобумажной маечки казалось болезненным. Она легко позволила откровенно зевающей Жене увести себя из кафе, хотя хотелось посидеть ещё немного, послушать музыку, а главное, поговорить о том, что так сильно занимало её мысли в последнее время.

– А знаешь, наша мама была не такой уж безгрешной, – говорила Светлана, пока они шли полутёмными аллеями к дому. – Когда мы отдыхали в Анапе, около неё всё время вертелся какой-то мужичок, и пару раз я просыпалась посреди ночи в номере одна. По-моему, она бегала на свиданки.

– Почему бы и нет? Да и на Байкале у неё, по-моему, был мимолётный романчик. Молодая одинокая женщина, не век же ей непонятно кому верность хранить. Не нам её осуждать, и хватит уже об этом, давай сменим тему.

Но Светка продолжала рассуждать о возможных перипетиях маминой судьбы и после того, как они улеглись в свои неудобные скрипучие койки, пока не осознала, что сестра давно и крепко спит. Посреди ночи Евгения проснулась от стонов. Светлана испытывала жестокую

боль при каждой попытке перевернуться с боку на бок, тряслась в ознобе, плакала, требовала натереть её сметаной, разбудить хозяйку и выпросить тёплое одеяло.

Старшая сестра накинула на голое тело лёгкий халатик, вышла во двор, открыла холодильник, обнаружила пропажу целого кольца купленной на рынке домашней колбасы, вымазала непослушную девчонку с головы до пят оставшейся от обеда сметаной, укрыла её двумя имевшимися в наличии пододеяльниками и постаралась снова заснуть. Но сон окончательно пропал. Перед глазами стояло улыбающееся, совсем ещё мальчишеское лицо Стаса, всегда очень коротко остриженного, почти под «ноль». Девушка явственно слышала его озорное: «Привет, красивая!», почти физически ощущала тёплые сильные руки на своих тоже слегка обгоревших плечах, и сердце сладко замирало, будто кто-то касался его изнутри. Нетактичная школьница, раззадорившая своими неуместными вопросами о сексе, неожиданно напомнила темпераментной студентке, что эта составляющая жизни не так уж маловажна, как ей хотелось считать.

Глава 8

НЕРВЫ, ПРИЗ И ХАТА

За последующие пару дней сестрёнка так вытрепала Евгению нервы, что просто не было больше сил терпеть её нытьё. Загорать Светке было категорически противопоказано, и она бегала к морю только чтобы немного поплавать, а потом тащила Женю назад, в дом, переодеваться и гулять. Требовала то дорогостоящей однодневной экскурсии в Сочи («Там мама когда-то жила, хочу пройтись по тем же улочкам!»). То номера в отеле («Могу я хотя бы душ принять по-человечески! Тут у нас удобства во дворе, ситечко у душа ржавое, вода холодная, доски осклизлые!»). То купания в открытом бассейне («Все ноги о камни пооббивала, да еще водорослей каких-то на мелководье нанесло!»). То ужина в ресторане на пришвартованном у набережной корабле («Это же так экзотично, ты ничего не понимаешь»). Женька понимала только одно: чем раньше она увезёт сестру домой, тем больше вероятности, что они туда вообще попадут, ибо денег оставалось только на дорогу.

Она купили билеты на авиарейс «Краснодар – Екатеринбург» и прибыли на геленджикский автовокзал как раз вовремя, чтобы сесть на автобус, но тут случилось непредвиденное. Икарус не пришёл. Кассир хмуро отбивалась от несостоявшихся пассажиров, возмущённо требующих объяснения причины неприбытия рейса. Причину можно было считать вполне объективной – автобус поломался в пути и сошёл с маршрута. Но от этого было не легче.

Таксисты заламывали баснословные цены, кроме того, девчонкам страшновато было отправляться в столь дальний путь с незнакомым человеком. В конечном итоге им удалось втиснуться в переполненный «Икарус», отходивший на Краснодар два часа спустя, но на самолёт они всё же опоздали. Никто не объяснил нервничающим девчонкам, то и дело поглядывающим на часы, что совсем необязательно было ехать на автобусе, постоянно застревавшем в пробках, через весь город до конечной остановки – железнодорожного вокзала. Если бы они сошли на первой же сделанной в Краснодаре остановке и пересели на маршрутное такси, следующее до аэропорта, то вполне успели бы к регистрации екатеринбургского рейса.

То, что можно уже никуда не спешить, стало ясно на полпути от вокзала до аэропорта. Как раз в это время их самолёт, согласно расписанию, должен был взлететь и начать набирать высоту. Смирновы всё же по инерции доехали до аэропорта, лелея безумную надежду, что вылет задержится. Но чуда не произошло. При обмене билетов на следующий рейс, который ожидался только через двое суток, они доплатили существенную сумму и остались почти ни с чем. О том, чтобы снять номер в гостинице не могло быть и речи, и две ночи подряд девушки провели в кожаных креслах недавно отреставрированного зала ожидания краснодарского аэропорта. Вещи сдали в камеру хранения, ибо хотя их рюкзаки были совсем нетяжёлыми, свой Светка не могла надеть на покрытые волдырями плечи и волочила его за собой за ляжки с обречённым видом страдальцы.

Днём они съездили на троллейбусе погулять по городу. Бедная школьница уже ничего не требовала и почти не скулила, наверное, и на это не доставало сил. На неё было жалко смотреть. Давно невымытые волосы склеились и повисли безжизненными сосульками, нос облупился, личико после бессонной ночи и питания всухомятку заострилось, под глазами залегли тёмные тени. Женька настолько переживала за сестру, что почти забыла про свой токсикоз.

Они бесцельно брели по центральной улице города, носящей название Красной, когда вдруг заметили в скверике толпу народа. До этого они уже видели сборище митингующих у здания администрации края, в основном стариков, мужественно стоящих на несусветной жаре и гордо держащих в подрагивающих заскорузлых руках самопальные плакаты загадочного содержания. Никаких тебе там требований повышения пенсий или удешевления продуктов питания, а почему-то «КУДА СМОТРИТ ГОСПОДИН ТКАЧЁВ?», «РОССИЯ НЕДЕЛИМА!» и «РУКИ ПРОЧЬ ОТ ПРИЗА!».

Светке было совсем неинтересно знать, куда смотрит губернатор Ткачёв, по чьей вине целостности России может быть нанесён урон, и кому достанется приз на местном «Поле чудес». Правда, из периодически доносящихся до сестёр обрывков жарких споров краснодарских патриотов, обсуждающих в полный голос краевые новости во время шествия по улице, Светка поняла, что Приз – это не подарок, а фамилия мэра города, но это знание не особенно расширило её эрудицию. Не любила старшекласница ни толпы, ни политики. А вот к сборищу народа у фонтана ноги почему-то понесли её сами.

Она заметила телевизионщиков: парня с видеокамерой, установленной на штативе, и девушку с микрофоном и спросила у окружающих, что здесь происходит. Ей объяснили, что идёт съёмка для программы ОРТ «Жди меня», так сказать «местное включение». Женя и опомниться не успела, как вдруг ожившая Светлана, втащила её в центр происходящих событий. Они оказались у самой телекамеры. Не успела вовремя отреагировать на незапланированное вторжение и девушка-ведущая: едва завершил свою речь предыдущий участник передачи, Светка чуть ли не силой выхватила из рук мужчины микрофон и стала следующей, кто объявил о своём желании найти тех, кто её ждёт.

– Мы – родные сестры, Светлана и Евгения, разыскиваем друзей юности и знакомых нашей мамы, Смирновой Татьяны Александровны, – быстро и звонко затараторила школьница, причём в руке у неё как по мановению волшебной палочки, невесть откуда извлечённая, возникла фотография матери. – Совсем недавно наша мама трагически погибла, у нас с сестрой не осталось больше родственников, и мы надеемся, что откликнутся мамины друзья. Татьяна Смирнова – воспитанница магаданского детского дома, в молодости она жила в городах Сочи и Тольятти. Наш адрес есть в редакции программы. Спасибо!

Пришедшая в себя девушка-журналист милостиво кивнула и ловко перекинула микрофон пожилой женщине, разыскивающей пропавшего сына. А Смирновы ещё долго стояли в толпе, выслушивая печальные истории кубанцев, потерявших близких и родных, пока съёмка не закончилась, и Светке не удалось вручить ведущей программы листочек со своим домашним адресом и телефоном, слёзно умоляя при этом непременно вставить в программу её обращение. Потому как у них в Екатеринбурге съёмки программы «Жди меня» не проводятся, по крайней мере, она ничего об этом не слышала, а очень хочется найти родных, особенно папу, которого они никогда не видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.